

ЕЕ ТЕМНОЕ
ЖЕЛАНИЕ

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

Young Adult. Одна истинная королева

Дженнифер Бенкау

**Ее темное желание.
Царство теней. Книга 1**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Бенкау Д.

Ее темное желание. Царство теней. Книга 1 / Д. Бенкау — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Одна истинная королева)

ISBN 978-5-04-166734-4

БЕСТСЕЛЛЕР SPIEGEL. «Ее темное желание» — первая часть нового романтического фэнтези от автора бестселлера «Одна истинная королева» Дженнифер Бенкау. Действие дилогии «Царство теней» происходит в том же вымышленном мире, но книги можно читать независимо друг от друга. Любой в королевстве Немия знает, что случается с тем, кого похищает Повелитель проклятого Царства. Человек превращается в дэма, существо без души. Лэйра готова спасти своего возлюбленного, который оказался в Царстве дэмов. Ей предстоит встретиться лицом к лицу с Повелителем и его ужасными порождениями. В проклятом Царстве существует древняя магия, она исполняет все желания, даже самые темные из них. Чтобы справиться с опасностями и выжить, Лэйре не обойтись без помощи того, кто когда-то предал ее и разбил сердце. «Одна истинная королева» — абсолютный бестселлер в Германии. Суммарный тираж дилогии составляет более 70 000 проданных экземпляров. Общий тираж книг в России — более 40 000 экземпляров. Топ-10 в списке бестселлеров Spiegel. 3-е место книжной премии Lovelybooks, крупнейшего немецкого книжного сообщества. Об авторе Дженнифер Бенкау — немецкая писательница, автор нескольких YA романов, среди которых бестселлер «Одна истинная королева».

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-166734-4

© Бенкау Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	56
Глава 13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дженнифер Бенкау
Ее темное желание. Книга 1
Царство теней

Я требую от себя исполнения своей мечты.

Пролог

Говорят, что когда-то, в давние времена, когда еще и времени как такового не было; еще до того, как наступила эпоха кланов, и даже еще до эпохи Королев, среди простых людей жил мужчина, который владел магией. Он не был фокусником, создававшим иллюзии хитростью, – он был магом, возможно, единственным, кто умел призывать магию по имени и подчинять ее своей воле.

Он видел хорошее в людях, с которыми пересекался его путь, – но видел и плохое. И каждый раз, когда случалось нечто плохое, он наблюдал, как оно расширяется и пускает корни. И тогда он придумал план, как с корнем выкорчевать все зло и пересадить его в другое место – туда, где оно не сможет причинить никому вреда.

Он отправился в путешествие к Лиаскай и, придя туда, обратился к ней, повелительнице всех земель: «Благая мать, я пришел, чтобы освободить тебя от зла. Все, что мне для этого понадобится, – участок твоей земли, место, куда никто не сможет пробраться, – там я заточу зло».

Но Лиаскай была против. Она ответила магу, что, если избавиться от зла, ослабеет и добро. К тому же кто волен решать, что хорошо, а что нет? Сколько частиц зла должно быть в ком-то, чтобы этот человек заслужил изгнание?

Так и получилось, что Лиаскай отказала магу в том, чего он так жаждал.

Тогда он разгневался и призвал магию с небес, чтобы Лиаскай увидела, что происходит с ее драгоценными людьми, если им достается слишком много власти. Магия обрушивалась на землю дождем, опутывала животных, растения и камни, пропитывала почву, давая ростки новой магии.

Но она была мощной и непокорной, и едва ли кто-то из людей обладал достаточной силой, чтобы ее приручить.

Лиаскай оставалось лишь беспомощно наблюдать, как ее любимые люди погибали от этой магии, как исчезали целые поколения и как тела людей превращались в прах.

Когда в живых осталось лишь несколько семей, маг обратился к Лиаскай во второй раз: – Теперь ты готова дать мне то, чего я требую?

И Лиаскай сделала то, чего не делала никогда раньше, – и даже не подозревала, что вообще на это способна.

Она сдалась.

В глубочайшем отчаянии она оторвала от себя кусочек и протянула его магу. Зияющая рана, в которой тлеет ее скорбь, существует до сих пор: это – Бездонное ущелье.

И маг тоже пожертвовал частью себя: свою силу, способность обладать магией. Он разделил ее поровну среди пятерых выживших семей – так появились кланы.

Но на этом он не остановился: маг взял с собой ту часть земли, которую отдала ему Лиаскай, спрятал ее в складке пространства, где она оставалась невидимой, и создал там проклятое царство – каждый человек, оказавшийся в нем, лишился души и превращался в дэма.

Того из них, кто нес на себе больше всего вины, владельца всего дурного, он сделал Повелителем дэмов.

И весть об этом пространстве между мирами распространилась по всей земле. Смелые и отчаянные стали делиться друг с другом тайными знаниями о Повелителе дэмов и о том, что достаточно лишь знать его имя, чтобы использовать его силу в своих целях, – и каждого, кто совершит подлость по отношению к другому, он забирал в свое царство и превращал в своего раба.

С этой историей случилось то, что всегда случается с правдивыми историями: ее поглотило забвение. Раны заживают, слезы высыхают, а могилы порастают травой и лесами.

Но есть одно место, где память об этом сохранилась, потому что именно туда вернулся маг. Страна, в которой тогда не было людей, а значит, некому было собрать магию и подчинить ее себе.

Страна, чей юный народ считает горы своей семьей, а ветра – своими друзьями.

Добро пожаловать в Немию.

Глава 1

Лэйра

Ночь ускользала слишком быстро.

Решительным движением я убрала шкатулку в тайник под половицей. Браслет из алого агата остался в ней. Там, куда я отправляюсь, мне не понадобятся украшения – особенно если они обжигают воспоминаниями. Я возьму с собой только крошечный, размером с горошину, круглый камень, который висит у меня на шее на кожаном шнурке, но спрятан под холщовой рубашкой. Пока что талисман из него получался не слишком хороший, но кто знает, может, наше время еще наступит. Магия в нем едва ощущалась, но этого более чем хватило бы, чтобы навлечь на маму неприятности, если бы кто-то его нашел.

Сначала ожидание казалось бесконечным, но сейчас, когда я наконец-то собрала вещи – провиант на несколько дней, воду, сменную одежду, целебное средство и цветочный фонарь, который тихо и мирно светился в моем заплечном мешке, словно все было как обычно, – уже нужно было спешить, чтобы покинуть долину до восхода солнца. Мое исчезновение заметят довольно рано. И как только князь, который был для меня вовсе не только князем, узнает об этом, за мной ринется вся гвардия Немии. Но чтобы освободить Десмонда, я была готова навлечь на себя и куда большие опасности. Встретиться лицом к лицу с Повелителем дэмов и всеми его порождениями. По сравнению с ними, чем меня могут напугать люди?

Что-то в темноте заставило меня насторожиться, и я прислушалась, но ничего больше не услышала. Возможно, это просто сквозняк гуляет в дощатых стенах? Мама перестала сопеть во сне, и в комнате стало тихо, как в могиле.

Быть может, однажды такая тишина воцарится навсегда.

От этой мысли я ощутила в груди пустоту, в которой каждый удар сердца отзывался гулким эхом. Сильнее всего мне хотелось броситься к матери, разбудить ее и обнять изо всех сил. Глупая, наивная мысль. Я бы просто сделала ей больно. Она стала так слаба. Боль в руках и ногах пожирала ее медленно, но неотвратимо. В хорошие дни она еще ходила к фонтану, чтобы помыться, в плохие ей нужна была помощь, даже чтобы пересесть с кровати на кресло. Обычно люди заболевали *увяданием* в старости. Но мама заболела еще в молодости, и с каждой зимой ей становилось все хуже.

От мысли, что я оставляю ее одну, меня окатывало ледяным холодом, словно налетал *миор*, северный ветер. Впрочем, я попросила нашу соседку Анкен позаботиться о маме, и я знала, что она поступит по совести. Но как я могла уходить, не зная, смогу ли я вообще вернуться? Как долго станет ждать Анкен? Когда она догадается, что я соврала, что я вовсе не отправилась на поиски редких трав для лекарства?

Я тихо опустила на колени рядом с сундуком для одежды и распахнула крышку. Глубоко внизу, под платками, рубашками, халатами и грубыми штанами для работы в конюшне – вещами, которые мне когда-то совершенно нельзя было носить, – лежало мое последнее бальное платье. Изумрудно-зеленое платье, которое мы не стали ни продавать, ни перешивать на что-то более практичное после того, как нас сослали в эту деревню. Мама всегда считала, что оно мне еще пригодится. В каком-то смысле она была права, так как в складках его юбки меня поджидал мой *миорodem* – традиционное оружие жителей Немии, которое мне приходилось прятать, потому что была недостойна его носить. Я вытащила изогнутый клинок, который уже несколько дней точила и полировала, а за ним и ремень с кожаными ножнами, которые я чистила и натирала маслом. Они были подогнаны под мою фигуру, и *миорodem* держался на боку так сбалансированно, словно был частью моего тела. А вот заплечный мешок оказался тяжелым. Теперь осталось натянуть перчатки, без которых я никогда не покидала нашу хижину.

Я оглянулась еще раз, скользя взглядом по очертаниям шкафа и сундука, по своей постели и по кровати, где спала мать. Больше в нашем домишке места ни на что не оставалось. В соседней комнате была кухня, и мы с мамой натыкались друг на друга, если пытались зайти туда одновременно.

– Лэйра?

Услышав тихий мамин голос, я закрыла глаза и беззвучно вздохнула. Теперь мне придется прощаться с ней, вместо того чтобы обойтись объяснениями в письме, которое я оставила на столе у ее кровати.

– Луилэйра, ты проснулась? Пожалуйста, принеси мне немного воды.

– Сейчас.

Я метнулась к кухонному столу, где стоял графин, и наполнила стакан водой. Руки дрожали так сильно, что несколько капель пролилось на деревянный пол, превратившись в темные пятна. Наполнив стакан, я отнесла его маме. Она взяла меня за руку и сжала ее.

– Спасибо, милая. Извини, что я тебя разбудила. Мне стоило раньше об этом позаботиться, тебе нужен сон.

– Все нормально, – перебила я ее. – Я все равно не спала.

Замечает ли она, что я одета? Что я уже надела и холщовые штаны, и даже кожаные перчатки? В плохие периоды болезнь затуманивала ее разум, и она воспринимала все словно в тумане. Но то, что она не заметила даже шерстяную накидку, которая в темноте превращала мой силуэт в бесформенную тень, ужаснуло меня. Могут ли я уйти, если она в настолько плохом состоянии?

Я помогла ей попить, а потом взяла платок, чтобы вытереть пролившиеся из ее рта капли. Мама выглядела плохо, ее кожа казалась серой. Ответ стал мне ясен, как чистое звездное небо. Я должна идти. Не только ради Десмонда, но и ради нее.

– Мне нужно уйти на пару дней, – прошептала я. – Но не беспокойся ни о чем, ладно? Анкен хорошо о тебе позаботится.

К моему удивлению, она улыбнулась – я отчетливо увидела это в лунном свете, падавшем на ее осунувшееся лицо.

– Ты отправляешься в замок, Лэйра? Собираешься встретиться со своим возлюбленным? Как хорошо, что она не заметила, как мои глаза наполняются слезами.

– Да, мама. Я собираюсь встретиться с Десмондом.

Но я отправлялась вовсе не в замок, потому что мой любимый был уже не там. Он находился совершенно в другом месте.

– Я переживаю, как бы нам снова не пришлось переносить свадьбу. К концу лета, мама, ты снова будешь жить в замке, в одном крыле с семьей Десмонда. Тебе больше не придется мерзнуть, когда наступят осенние ливни, а потом их сменят *миор* и зимние холода. И тогда о тебе будут заботиться лучшие целительницы. После свадьбы все изменится к лучшему.

Сказать, что все будет хорошо, нельзя: это уже невозможно. Но все станет лучше.

– Самое главное, Лэйра, – там я увижу, как ты танцуешь.

Я заставила себя слабо улыбнуться.

– Тогда ради тебя я буду танцевать каждый день.

Стоя рядом с ее кроватью, я подождала, пока по шумному дыханию мамы не станет ясно, что она снова заснула, и наклонилась над ней, коснувшись губами ее волос.

– Не сердись на меня, мама. Ты этого не одобришь, но я делаю это для тебя.

Затем я взвалила на плечи тяжелый дорожный мешок, взяла в руку свои кожаные сапоги и отнесла их к двери. Тихо, теперь, главное, тихо.

Лишь чуть-чуть приоткрыв дверь, я протиснулась в щель – было холодно, несмотря на то, что уже начиналось лето, – а затем закрыла ее за собой, миллиметр за миллиметром, пока

не шелкнул замок. Щелчок прозвучал словно тайный сигнал, и я застыла, ожидая, что в окнах соседних домов вспыхнет свет, двери распахнутся и улицу заполонят гвардейцы.

«Соберись», – приказала я себе и мысленно попросила горы хоть немного защитить меня, укрыв своей тенью. Я почти ни с кем не разговаривала о своих планах и оделась так, чтобы не привлекать внимания. Когда несколько дней назад до деревни дошли первые слухи о проклятии, павшем на Десмонда, я, как и все остальные, сначала не хотела им верить. Но потом я внезапно получила доказательство – доказательство, которое не оставляло места для сомнений. Письма, которые Десмонд отправлял мне, прямо у меня в руках обратились в пепел. Каждый ребенок в Немии знал, что происходит, когда Повелитель является за кем-то и забирает его: он уничтожает все, что было создано руками этого человека. После каждого человека остается хоть что-то бессмертное. Повелитель забирает эту частицу бессмертия и уничтожает ее.

И все же только после того, как было официально объявлено, что Повелитель дэмов забрал сына и наследника верховного министра, Десмонда эс-Йафанна, после того, как неизвестный проклял его, я позволила себе расплакаться. Все жители деревни понимали меня, в конце концов, я только что потеряла своего возлюбленного. Но никто здесь и предположить не мог, что я собираюсь отыскать проклятое Царство дэмов, предстать перед его повелителем и потребовать, чтобы он освободил Десмонда. Никто не ожидал этого от меня – тихой, сдержанной, совершенно незаметной Лэйры.

В деревне я слыла книжным червем, и потому многие ломали голову над тем, что во мне нашел такой человек, как Десмонд эс-Йафанна. Я ведь была совершенно, абсолютно обыкновенной – за исключением того отвратительного обстоятельства, что я была изгнанницей.

Уже пять лет я обеспечивала себя и маму, продавая сыр из молока наших коз и яйца, снесенные нашими курами. Кроме того, я торговала дикими и целебными травами, которые собирала в горах, куда осмеливались отправляться немногие. Больше никто ничего обо мне не знал. Они не знали ни об истинной причине, заставлявшей меня отправляться в горы, ни об окольных путях, которые мне приходилось отыскивать, чтобы продавать товары, о которых я никому не рассказывала. Даже мама не знала, из каких средств я оплачивала лекарство от ее болезни, а если бы и знала – о, она уже давно была не в том положении, чтобы меня наказывать, но в этом случае она бы забыла о своих ограниченных возможностях и как следует меня поколотила бы. При любых других обстоятельствах она никогда не стала бы грубо обращаться со мной, ее даже нельзя было назвать строгой. Только в одном-единственном случае мама не знала ко мне милости. Потому что законы Немии были таковы, и мама тщательно заботилась о том, чтобы никто не узнал: я нарушаю один из них самим своим существованием.

Почему же только сейчас, когда я кралась в лунном свете между простых деревянных домов, мне начало отчетливо казаться, что кто-то преследует меня? Я была одна на пыльных дорогах, единственным признаком жизни оказался запах дыма, который днем и ночью доносился из находившейся неподалеку кузницы. Даже в курятниках царил покой. Какие-то звуки доносились из леса, рядом с которым я старалась держаться. На ветру шелестела листва, и где-то кричал филин.

Когда я оказалась среди деревьев с их раскидистыми кронами, меня окутал полумрак и мне пришлось достать цветочный светильник, чтобы не сбиться с пути. Внутри стеклянного шара в воде плавала золотисто-зеленая речная ветреница, испуская густой, простиравшийся далеко свет, позволявший мне видеть узкую тропинку и уворачиваться от низких веток. Но там, докуда не достигал этот свет, царила абсолютная чернота. Из нее доносились треск и шорох, словно кто-то шел следом за мной. Но когда я замирала на месте и прислушивалась, сразу же становилось совершенно тихо.

Только через несколько часов, когда между ветвей стал проникать тусклый свет, возвещая о наступлении раннего утра, мне стало ясно, что следом за мной не крадется никто, кроме моего собственного чувства вины.

Глава 2

Десмонд

В песнях поется о том, что смерть прекрасна. Теплая и мирная, исполненная света и гармоничной музыки; по крайней мере, если после смерти человек оказался в руках Лиаскай.

Все песни ввали.

Теперь Десмонд жалел, что никогда не полагался на веру, и вместо этого ему всегда хотелось задавать каверзные вопросы, почему же священники и ученые хотят узнать что-то о смерти, если все они полны жизни. Потому что, если бы он им верил, теперь бы он точно знал, что жив.

Пока он лежал с закрытыми глазами, кажется, прошла целая вечность. Его тело онемело от холода, во рту пересохло, а лицо было покрыто чем-то клейким, ледяным, мокрым. Чудовищно воняло, словно его вывернули наизнанку и забросали его собственными внутренностями, чтобы он под ними сгнил. Но пока он лежал, не рискуя открыть глаза и обнаружить, что он действительно умер и теперь принадлежит вечности, еще оставалась надежда, что есть какое-то объяснение. Что из этого холода можно выбраться.

Он не помнил ничего необычного. Разве он не отправился спать, точно так же, как и в любой другой день? Он припоминал, что повесил на стул штаны и рубашку. Сквозь синее оконное стекло было видно ночное небо, значит, было уже поздно, уже почти наступало утро. Почему он пошел спать так поздно? Он вспомнил музыку. Танцы на террасе, куда песни и музыка доносились лишь приглушенно. Ему стало холодно, но он больше не хотел – вот только почему? – возвращаться в бальный зал, хотя там все его ждали. Вместо этого он проскользнул мимо многочисленных гостей, вернулся в свою комнату, швырнул о стену хрустальный бокал и запрокинул голову, отпивая бренди прямо из бутылки. С севера дул *мор*, а он пил бренди из бутылки! Бросил бокалом в стену! Но почему? Его что-то рассердило? Он был в отчаянии? Расстроился? Все словно стерлось. Он пошел спать, и последнее, что он помнил, – мягкий, теплый мех его охотничьего пса Бо, прижавшегося к его холодным ступням.

На мгновение он погрузился в свои мысли и едва не уснул, побежденный усталостью. Но тут же Десмонд вспомнил о снах, которые мучили его каждую ночь и теперь снова угрожали утащить его с собой. Кошмары о жутких созданиях с длинными мордами, острыми клыками, видневшимися из-под приподнятых губ, с крыльями и острыми когтями, с кожистыми перепонками между пальцами. Они хватили его за руки, за ноги, за шею и волосы и волокли куда-то в глубочайшую тьму. Ох, он предпочтет остаться здесь, в холоде, посреди вони, чем снова погрузиться в эти сны.

Деваться некуда – он должен был встретиться лицом к лицу с тем, что ждало его в темноте за закрытыми веками.

Он осторожно приоткрыл глаза. Веки слиплись, и ему пришлось липкими пальцами стереть засохшую корку с ресниц. Пораженный, Десмонд обнаружил, что лежит полуголый на дырявой подстилке из грязной, заплесневелой соломы. Его ограбили и сбросили в сточную канаву? На нем остались только панталоны, в которых он лег спать, и они совершенно промокли, потому что в щелях между камнями под ним застоялась вода. Десмонд в ужасе втянул воздух, когда его медленно прояснявшийся взгляд различил в мерцавшем свете факелов на стенах прутья решетки. Это была темница. Может быть, он... Он распрямылся, дрожа, поднялся на колени и подполз к решетке. Камера, в которой его заперли, выглядела вполне обыкновенной: каменный пол, три стены из камня, а четвертая – бронзовая решетка. Рядом с соломенной подстилкой стояло жестяное ведро, вероятно, для справления нужды. Увиденное потрясло его. Нет, это не темница в замке рода эс-Ретнея, где он чувствовал себя как дома. Несмотря на

запреты, еще ребенком он вместе с Лэйрой и Викой забирался туда, в поисках бандитов, контрабандистов и любителей приключений. Но среди заключенных он встречал лишь сломленных, несчастных бедняков, которые готовы были целовать ему ноги за кусок сыра или ветчины.

Десмонд помнил те времена достаточно хорошо, чтобы сообразить, что ни в одной темнице замка не было бронзовых решеток. Он положил ладони на холодный металл, крепко сжал пальцы и с трудом поднялся на ноги. Колени подгибались так сильно, что он едва не упал.

Откуда-то снаружи донесся тихий смех.

– Посмотри-ка. Принц проснулся.

– Вы считаете, что я принц? – Десмонд охотно рассмеялся бы в ответ, чтобы собеседник решил, будто он не боится. Но даже произнести несколько слов оказалось трудно. Язык распух, как дохлая рыба на жарком летнем солнце.

– Он так считает, – ответил голос молодого мужчины, может быть, даже еще юноши. – Повелитель.

– Твой повелитель ошибся, – глухо возразил Десмонд, смахивая прилипшую к груди влажную солому. *Кем бы ни был твой повелитель.*

Собеседник немного помолчал. Потом хрипло произнес:

– Осторожнее, думай, что говоришь. Если они услышат...

Проклятье, о ком он?

– Если Повелитель тебя услышит...

Повелитель, повелитель... Это единственное слово так упорно крутилось в его мыслях, что ему стало дурно. Конечно, он подозревал, кого имеет в виду говорящий – видимо, другой заключенный. Только одно существо могло носить этот титул. Но Десмонд не сделал ничего такого, за что его стоило бы бросить в темницу Повелителя дэмов. Он ничего... Ужас ледяным комком застыл у него в груди, когда он осознал, что многого не помнит о вчерашнем вечере. Он разозлился... разозлился на... он просто никак не мог понять. Слишком много бренди? Было что-то еще.

Небесная трава – он жег небесную траву и надыхался ее дымом. Это должно было успокоить его, но в сочетании с бренди и чувством вечного холода это не помогло. Он еще сильнее углубился в воспоминания, но отыскал лишь горькое послевкусие гнева. Он с кем-то поссорился? Но с кем? И почему?

Что произошло? Его снова охватила дрожь – на этот раз не столько от холода, сколько от ужаса из-за того, что он мог совершить. Это должно быть что-то непростительное, если на него из-за этого пало проклятье.

– Они идут, – прошептал другой человек, и его голос внезапно задрожал от страха. – Возвращаются снова. Они слышали тебя, лучше бы тебе помолчать.

Десмонд тоже услышал раздающиеся в коридоре шаги, топот множества подошв, которые двигались синхронно, словно принадлежали одному существу.

Услышав доносившийся из соседней камеры шорох, он понял, что второй пленник отодвинулся к дальней от решетки стене.

Но Десмонд расправил плечи и остался стоять у самой решетки.

Да, они пришли. Они пришли, чтобы отвести его на допрос. Он узнает, в чем его обвиняют. Если он совершил какой-то проступок, он искупит вину. Ничто, никакое наказание, никакая причина не может быть ужаснее, чем это ощущение, будто он совершил что-то непростительное и понятия не имеет, что именно.

Потому что проклятье дэмов может постигнуть человека лишь за какое-то непростительное деяние.

Глава 3

Аларик

– Сыграешь еще раз огненную песню, прежде чем мы пойдем домой?

Бовен нервно хмыкнул, но все же улыбнулся в бороду. Никто не мог отказать Калейе, и уж точно не брюзгливый старый телохранитель, пусть даже он постоянно ругался на то, как избалована эта девочка.

Скрывая улыбку, Аларик снова опустил взгляд на свой рисунок, а Бовен тем временем поднес к губам рог и извлек из небольшого музыкального инструмента klokočující звук, который не слишком подходил к дикой огненной песне и уж выглядел неподходящим для стареющего воина, каким был Бовен. Но в этом путешествии у них не было с собой другого инструмента – а Бовен больше не умел ни на чем играть.

Сосредоточившись на линиях, которые он вырисовывал углем, на треске пламени и его отсветах, Аларик дал волю размышлениям. Еще одно или два полнолуния назад они снова вернулись домой, и Аларик до сих пор так и не понял, был ли он рад увидеть своих родителей после долгого путешествия или страх все же перевешивал. Когда близнецы вместе с Бовеном отправились в путь, чтобы путешествовать по всему континенту (как и пристало детям княжеского рода фон Кеппох), им было десять. Теперь им исполнилось двенадцать, и, когда они возвращались к родному двору, от них ожидали проявления силы, разумности и мужества взрослых. Справится ли он? Он до сих пор иногда видел дурные сны, а потом весь день не мог отвязаться от мыслей, что это – дурное предзнаменование. Вот и в эту ночь ему снился такой же кошмар. Серым утром он доверил свои тревоги Калейе. Должно произойти что-то плохое, он явно это чувствует! Но она высмеяла его – эта его ненормальная сестра-близняшка с огненно-рыжими волосами и синими, как лед, глазами. Но ей и не приходилось бояться, что она не оправдает ожиданий отца. Калейя была настоящей гордостью отца, воплощением всего того, чего может ждать от своего ребенка кеппоханец. Она была стремительной, умной и сильной, и у нее были огненно-алые волосы. У Аларика волосы, напротив, были черными, как у матери, и только при свете дня в них можно было заметить бледные проблески темно-красного. Не похоже на признак особенной силы. Они родились в одном пламени, он и Калейя, но, наверное, жара им досталось не поровну.

Вокруг их лагеря сгущалась тьма, а ветра, каждый из которых носил в Немии собственное имя, шумели и гудели в ветвях, словно затаившиеся в логове звери. Аларик заметил, что и Калейя подвинулась поближе к согревающему их костру. Ночевки под открытым небом по-прежнему оставались для них чем-то необычным и волнующим.

– Ты боишься? – спросил он. – Хоть чуть-чуть?

Сестра гордо посмотрела ему в глаза.

– А чего нам здесь с тобой бояться, тебе и мне?

Он пожал плечами:

– Мы путешествовали два года, и ты до сих пор не знаешь ответа?

Она улыбнулась.

– У меня есть план: я просто не хочу узнавать этот ответ. Никогда.

В этот момент кеппоханская огненная песня смолкла, сорвавшись в громкое шипение. Дети тут же застыли, а вместе с ними замерли и звери, и даже сами ветра, словно все они задержали дыхание.

– Что это было? – Аларику стало стыдно, что его голос прозвучал высоко, выдавая страх, но это продлилось недолго, потому что его взгляд обратился на Бовена, который все еще сидел, прислонившись к дереву. Рог упал на колени воина, а в следующее мгновение за ним

соскользнула и рука. Из лба телохранителя торчала стрела. Тонкая струйка крови стекала с переносицы на щеку Бовена, словно слезы. Красная кровь мерцала в свете костра.

– Аларик! – во весь голос выкрикнула Калейя. – Аларик!

Но что ему было делать?

Разумеется, он схватился за меч, разумеется, он заслонил сестру собой, когда появились разбойники. Разумеется, он призывал огонь, просил его, умолял. Пламя разгорелось, но ему не хватило силы, чтобы сжечь врагов. Аларик был недостаточно силен. Разумеется, он без колебаний атаковал нападавших.

Это была короткая, жестокая схватка – Бовен мог бы им гордиться, – и в конце нападавший был тяжело ранен, а Аларик еще дышал – в итоге важно именно это. Но появились новые противники, и, пока Аларик размахивал тяжелым мечом, не зная, сколько еще продержится, они успели схватить Калейю. Один из нападавших еще раз обернулся и сбил Аларика с ног ударом кулака, словно теперь он был недостоин ничего, кроме оплеухи.

Теряя сознание, он думал лишь о своей сестре, и, словно само собой, в нем росло понимание: жизнь, которую он знал, теперь окончена. Аларику Кольясу из Кеппоха исполнилось двенадцать лет. И теперь его больше не существовало.

Аларик пришел в себя и со стоном потер лоб. Каждый раз, когда ему снился этот сон, он просыпался с гудящей головной болью, словно это случилось вчера, – какие-то люди оглушили его и похитили сестру. На самом деле прошло уже десять лет.

Ему было дурно, и он не мог понять, какова причина.

Пойло, которое ему щедро предлагали немийцы в своих кабаках, пока принимали его за гостя из Лиаскай, и которое ему пришлось пить вчера вечером, чтобы заснуть, явно имело к этому некоторое отношение.

Потом он вспомнил старого доброго Бовена. Эта картина так глубоко въелась в память Аларика, что неделями не выходила из головы после того, как ему снился этот сон. Куда бы он ни смотрел, перед глазами стояла тонкая струйка крови на почти что удивленном лице. Он уже сбился со счета, сколько трупов ему довелось увидеть с той ночи. У некоторых из них он сам отнял жизнь – это были люди, которых он едва знал, или вообще незнакомцы, которые ему ничего не сделали. И хотя Аларик нес на себе вину, их лица стерлись из памяти, где-то затерявшись, – все, кроме Бовена.

Еще большую дурноту вызывал у него тот факт, что его сны были плохим предзнаменованием, как он когда-то и боялся. Они никогда не приходили без причины. Каждый раз, когда он видел этот сон – об огненной песне, о похищении Калейи и смерти Бовена, – это означало, что его разыскивает посланник. Посланник его хозяина, человека, которому Аларик заложил свою жизнь. Когда-то этот человек приказал своим вассалам похитить Калейю, и до сегодняшнего дня для Аларика оставалось загадкой, почему этот незнакомец, который всегда общался с ним исключительно через посланников, требовал выкуп не у ее родителей, а у него.

И все же, если подумать, в этом можно было увидеть некоторую логику. Тот, кто хотя бы отчасти имел представление об обычаях кеппоханских княжеских родов, знал об их слабых местах, но кеппоханцы уж точно не поддавались шантажу. Их невозможно было шантажировать никем и ничем, и тому неудачнику, который оказался достаточно слаб и глуп, чтобы дать себя похитить и не суметь освободиться, было попросту не место в Кеппохе.

А это еще раз подтверждало: Аларик не был достойным наследником своего отца. Хотя он смотрел на это иначе. Он должен был вернуть сестру.

Похититель предложил оплатить жизнь Калейи десятикратно, и Аларик – глупый мальчишка, которым он тогда был – согласился, позволил наложить на себя магические путы, едва ли надеясь, что сможет выполнить обязательство. Пока не будет разбита десятая долговая печать, Калейя принадлежала похитителю. Но еще раньше, чем первая долговая печать, раз-

бились наивные надежды Аларика, что он сможет выполнить задания за несколько недель или месяцев.

Вплоть до сегодняшнего дня сердце Аларика неизменно разрывали мысли о том, что он не знает, где его сестра, что с ней происходит и каково ей сейчас.

Тем временем девять долговых печатей были уже сломаны. Он перестал торговаться и задавать вопросы, и ему довелось убивать людей по поручению хозяина почти в каждой стране западного континента. За это время Аларик превратился из юноши в мужчину, и все телесные изменения, которые происходили с ним, в некотором роде пугали его. Он стал шире в плечах, его ноги и руки стали длинными и сильными, а черты его лица за прошедшие годы уже давно потеряли детскость. Он был симпатичен другим, и это было особенно хорошо заметно здесь, в Немии, где его темные волосы в сочетании с синими глазами были чем-то необычным. Он ненавидел это ощущение до глубины своей пропитанной отвращением души. Потому что он и Калейя были рождены в одном и том же пламени. И если он теперь выглядел привлекательным мужчиной, вряд ли можно было сомневаться в том, что его сестра, с ее огненными волосами и глазами цвета льда, стала по меньшей мере настолько же привлекательной женщиной. Аларик уже достаточно повзрослел, чтобы понимать, как мужчины поступают с прекрасными женщинами, которые принадлежат только им и никому больше.

Осталось одна, последняя долговая печать, и Калейя обретет свободу. Калейя или то, что осталось от нее после стольких лет.

Что они оба будут тогда делать? Вернутся назад? Вернутся... домой? Мысль об этом казалась близкой и одновременно далекой, такими старыми и бесцветными стали за это время воспоминания о Кепшохе. За все эти годы он ни разу не бывал на родине и, как и его сестра, уже давно считался мертвым и был забыт, так что вряд ли во дворце его встретят с распростертыми объятиями. Решат, что он не оправдал ожиданий. Ему не удалось даже простить тех, из-за кого он отправился в это опасное путешествие. Свою семью.

Глава 4

Лэйра

Я казалась себе курицей, которая пытается незаметно прокрасться мимо лисьей норы. Чувствуя себя беззащитной, я держалась как можно ближе к Волариану, горе, в которой был построен неприступный замок рода эс-Ретнея. Замок, в котором я когда-то жила и – если смогу спасти Десмонда – буду жить снова. Замку было уже несколько сотен лет, но он постоянно перестраивался и непрерывно рос, словно древнее дерево, с каждым годом становясь больше и больше. Темно-серые стены, которые было не охватить взглядом, возвышались над светло-серыми скалами, и небо над замком эс-Ретнея всегда казалось особенно ярко-синим, словно приветствовало его.

Нельзя было, чтобы меня заметили на дороге в сторону замка. Люди начнут задавать вопросы и задержат меня. По-прежнему считается, что я принадлежу князю, так что его извещают обо всех моих действиях. При этом любой другой путь к моей цели, за исключением прямой дороги через Разрушенный мост, занял бы слишком много времени. Мне нужно успеть добраться до Повелителя до новолуния. Опоздаю на одно утро – и Десмонд будет потерян навсегда, превратится в дэма и станет рабом своего господина. Так писали в книгах. Как и о том, что у человека, который просит за проклятого с любовью в сердце, больше шансов, чем у лучших воителей, которые пытались противостоять Повелителю дэмов, руководствуясь ложными мотивами: потому я и направлялась туда.

Несмотря на то что уже близился полдень, мне показалось, я уже сейчас вижу дэмов повсюду, такими, какими я знала их по книгам, изображениям и скульптурам из черного вулканического стекла: огромных, размахивающих шипастыми хвостами, с зубами, как у хищных зверей, и со змеиными глазами.

Испуганно оглядевшись по сторонам, я даже приняла за дэмов всадников – двух человек с навьюченной лошадей, которые приближались ко мне галопом. Они появились в самый неподходящий момент, потому что я покинула лесистые холмы и находилась на открытом пространстве, как раз на том участке пути, где я осталась без какой-либо защиты. Слева и справа простирались лишь грядки, засаженные свеклой и картофелем, а также поля, на которых росли капуста, овес и полба, достававшие мне в лучшем случае до колена. К тому же всадники уже давно меня заметили. Теперь оставалось только не привлекать внимания. Может, они не заметят, как вспотели от напряжения мои виски, может быть, они примут меня за безобидную деревенскую жительницу, которая идет в замок. Но *муродем* будет сложно не заметить. А может, бросить его на поле, а потом забрать, когда они уберутся? Мои дрожащие пальцы уже коснулись пряжки перевязи, но тут что-то в силуэте всадника, который скакал слева, привлекло мое внимание.

Мне... был знаком этот силуэт.

Мой страх мгновенно сменился облегчением, которое тут же превратилось в растерянность. На черной, как сажа, лошади скакала моя подруга Вика – в этом не было никаких сомнений. Изящный силуэт, светлые волосы, как обычно, туго заплетенные, и к тому же ее заметная издали улыбка – словно она ехала на какой-то праздник. Я знала Вику достаточно хорошо, чтобы понять: это выражение облегчения, потому что она наконец-то меня нашла. Вика была единственной, кто знал: я отправляюсь к Повелителю дэмов. Хотя я не говорила ей, когда именно собираюсь уйти.

Рядом с ней скакал ее телохранитель, и клубы пыли скрывали его лицо.

– Что ты здесь делаешь? – крикнула я Вике, которая резко остановила лошадь. Копыта подняли облако пыли, и Вика спрыгнула прямо в него, выпустила поводья и обняла меня так

сильно, что сначала мне стало трудно дышать, а потом пришлось уткнуться лицом в ее шею, чтобы она не видела, как я плачу.

– Лэйра, ты что, и правда поверила, будто я отпущу тебя, чтобы ты там разбиралась с дэмами в одиночку?

– Вика... – Я ощутила ком в горле – то ли от облегчения, что она оказалась здесь, то ли от откровенной паники. Рядом с Викой мне никогда не было страшно. Ее смелость словно высвобождала что-то во мне – что-то, что было сильнее, чем угроза самого ужасного наказания.

И все же сейчас легкая воинственная улыбка на ее изящном лице вызывала у меня совершенно другие эмоции.

Второй всадник придержал лошадь. Я узнала его лицо, и это потрясло меня еще сильнее.

– Йеро? – Почему я вообще спросила? Я не видела его семь лет, с тех пор как я была двенадцатилетним ребенком и в моем мире все еще царил порядок. За это время все изменилось. Но лучащиеся голубые глаза Йеро остались прежними, хотя вокруг них и пролегли морщинки. Получается, ему было уже далеко за тридцать, и по жестким чертам можно предположить, что жизнь далеко не всегда проявляла к нему доброту.

Раньше он был одним из паладинов, лучших воинов Немии. В их академии он научился всему, что нужно, чтобы выжить в царстве дэмов. Их специально готовили, чтобы они могли вытащить кого-то из темниц Повелителя дэмов, и, хотя им редко представлялась возможность применить эти знания на практике, исполнение такого задания считалась высочайшей честью, к которой они стремились всю жизнь.

У Йеро с собой были походное снаряжение и *миродем*, и мне стало ясно, что это значит. Они все спланировали.

Он слез с седла, бросил Вике поводья третьей лошади, а свою просто оставил на месте – и подошел ко мне.

У меня было к нему столько вопросов. Почему он тогда перестал появляться при дворе? Почему ничего не объяснил? В конце концов, в течение нескольких лет он был не только телохранителем Вики, но, помимо этого, и ее другом, и, возможно, более близким человеком, чем ее собственные родители.

– Почему ты вернулся? – спросила я с дрожью в голосе – так меня потрясла встреча с ним.

– А я вернулся? – он хитро улыбнулся. – Или я просто тень, которая скользит над Немией, стремясь исполнить свое предназначение.

– Ты хочешь пойти со мной? – В поисках помощи я посмотрела на Вику. Не сомневаюсь, это была ее идея. Но могла ли я это принять? Да, я решила подвергнуть опасности собственную жизнь, но рисковать чей-то еще... Я никогда себе не прошу, если с Йеро что-то случится.

Вика сдержанно улыбнулась мне. Раньше я никогда такой ее не видела, и это меня насторожило. Обычно ее лицо было открытым и искренним.

– Лэйра, – помедлив, произнесла она. – Мы *оба* хотим пойти с тобой.

Может быть, я ослышалась?

– Нет, Вика. Ни в коем случае. Так не пойдет.

Подруга серьезно посмотрела на меня.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения. Я уже решила.

– Ты с ума сошла? – вырвалось у меня. Кажется, я никогда не говорила так со своей лучшей подругой. Сердце бешено колотилось, в ушах шумела кровь. Мысль о том, что в итоге я потеряю еще и Вику, была невыносима. – Ты что, не понимаешь, как это опасно?

Вика просто выпустила поводья лошадей и еще раз крепко-крепко обняла меня. Ее хладнокровие дало трещину, и я заметила, что подруга дрожит.

– Именно потому, что это так опасно, – прошептала она, – я просто не позволю тебе отправиться туда одной. Всю ночь я проговорила об этом с Йеро, и я понимаю риски лучше, чем ты. И все же я хочу пойти с тобой. Да, Десмонд – твой возлюбленный. Но он также и мой

лучший друг. Мы всегда были вместе, мы трое. К тому же я лучше обращаюсь с оружием, чем ты. А вместе с Йеро, который прошел обучение паладина, мы точно справимся.

Я перевела взгляд на Йеро. Он спокойно стоял на месте, ожидая нашего решения.

– Йеро снова работает на твою семью? – спросила я у Вики.

Она покачала головой.

– У него свои причины на то, чтобы пойти вместе с нами. Он здесь как друг, а не как телохранитель или наемник.

Йеро кивнул.

– Меня готовили к такому заданию, сколько я себя помню. К чему же еще мне стремиться, – он положил руку на грудь, – как не к возможности исполнить свое предназначение?

Я сглотнула, потому что знала, кто такие паладины. Мальчики и девочки, которые были сиротами, или дети, которых буквально отрывали от груди матери и увозили в Эшриан, где воспитывали в храмовой школе. Родные больше никогда не видели этих детей. В какой-то момент они возвращались в Немию в качестве паладинов, но к тому моменту они становились уже взрослыми и носили новые имена. Даже если родители узнавали своих детей, они всегда оставались чужими друг другу, потому что суть жизни паладина заключалась в том, чтобы следовать приказам командиров.

– Лэйра, я всегда был с тобой честен, – продолжал Йеро, – и в этом смысле ничего не изменилось. Я понимаю, ты считаешь, что любовь к Десмонду дает тебе шанс, и, возможно, ты правда сможешь его спасти. В конце концов, судя по тому, что мы знаем о Повелителе, он любит играть с чужими чувствами. Но также это означает, что рядом с тобой должен быть кто-то с холодной головой. Кто-то, кто понимает, как устроено его Царство, и кто владеет знаниями о разных дэмах.

– А они бывают разными? – В следующее мгновение я осознала, что предпочла бы вообще не слышать ответ.

Йеро пристально посмотрел на меня.

– Нам известно примерно два десятка видов. И мы понимаем, что знаем еще очень мало.

Я сглотнула. Даже в университетской библиотеке о Царстве дэмов была лишь самая общая информация, лишь несколько легенд и историй. Только немногие отправлялись туда, и еще меньше людей возвращалось. А те, кто возвращался, часто становились... другими. Их дух уже не бодрствовал, их речь становилась медленной и тягучей, и они посреди предложения забывали, что хотели сказать. Мама называла вернувшихся паладинов «живыми трупами». Их чествовали как героев. Но никто не знал, почему так происходит.

– Мы тебе нужны, – сказала Вика. – А ты нужна нам, потому что без тебя и твоей любви к Десмонду наши шансы заметно падают.

Я подняла брови, и Вика кивнула.

– Ты поняла совершенно правильно: если ты не пойдешь с нами, мы пойдём без тебя. Но пойдём.

Йеро смущенно потер затылок – там, где виднелся рубец толщиной в палец, побледневший, но по-прежнему хорошо заметный. От его вида мне на мгновение стало дурно. То, что Вика так быстро раскрыла все карты, явно не порадовало Йеро, но он не стал возражать.

Великие горы. Почему я не отправилась в путь раньше? Я не хотела оказаться виноватой в том, что могло с ними произойти. Но Вика никогда не давала пустых обещаний. И все же мой разум отчаянно искал возможность защитить подругу. И она это заметила.

– Лэйра, – Вика взяла меня за руку, – ты знаешь, насколько мне симпатичен Десмонд. Но дело не только в этом. Зимой мне исполнится двадцать лет. Родители не позволят мне больше тянуть время. Этим летом меня представят жениху, и я должна буду выйти замуж. – В ее голосе послышалась горечь. – Мой муж вряд ли похож на Десмонда, и у него будут определенные

ожидания. Если мне не повезет, в следующем году я уже буду ждать ребенка и не смогу воплотить ни одну свою мечту.

– Но то, что нам предстоит, это совсем не то полное приключениями путешествие, о котором ты мечтаешь, – бросила я ей.

– Нет. Но это нечто значительное. Нечто важное. Мы спасаем друга, который нам дорог. Лучшего друга, который у нас есть, мужчину, который в итоге спасет тебя. Мы совершаем героический поступок. Позволь нам пойти с тобой.

Я отчетливо представила, как она, еще будучи ребенком, стояла передо мной на стене, что возвышалась над окружавшим замок рвом, и обещала себе самой и всем нам, вскинув в воздух деревянный мюродем, стать настоящим героем, положить конец всем войнам по эту сторону гор – войнам, которых мы боялись, будто зверей, сидевших в засаде по темным углам.

– Кто я такая, чтобы что-то тебе разрешать или запрещать? Ты свободна как ветер, Вика, ты можешь делать то, что можешь, и то, что хочешь.

Но я бы предпочла, чтобы ты этого не хотела.

– Как ветер? Так в Немии учат детей, – пробормотала моя подруга. – Но на самом деле этого не имеют в виду. По крайней мере, девочек это не касается.

– Но именно это я и имею в виду.

– Это путешествие будет смертельно опасным, – произнес Йеро, взявшись за поводья своей лошади – необычно большой кобылы золотисто-коричневой масти. Ее голову, грудь и бока покрывала боевая кожаная броня. – Я могу гарантировать вам только одно: даже я столкнусь в Царстве дэмов с вызовами, к которым не готов. Никто не знает, вернемся ли мы, и я даже не уверен, найдем ли мы Царство и сможем ли пересечь его границы. А если это нам удастся, вы можете потом об этом пожалеть. Обучение, которое я прошел, боевой дух Вики и... *особый талант* Лэйры – возможно, это сочетание окажется ключом к успеху. Если вы этого хотите, я на вашей стороне. Сегодня – как и тогда.

Тогда... Он намекал на тот день, девять лет назад, когда я нанесла ему рану.

– Атакуя меня, думайте о новой технике, которую выучили. Но действуйте по очереди и старайтесь оставить все мои конечности при мне.

Мы с Десмондом улыбнулись друг другу, а Вика подняла свой мюродем и попробовала нанести первый удар. Йеро мог бы обезоружить и победить ее даже с завязанными глазами, но он никогда не позволял нам этого заметить, и это заставляло нас, особенно Виду, стараться изо всех сил. Ее родители гонялись бы за ней по всем горам, если бы только знали, что молодой паладин, за услуги которого в качестве телохранителя дочери они так дорого заплатили, обучает ее и нас, ее лучших друзей, обращаться с мюродемом. Твердая уверенность Вики в том, что жизнь будет безопаснее, если каждый – в особенности десятилетние девочки – сможет за себя постоять, вызвала искренний отклик у телохранителя. Десмонд, впрочем, предполагал, что Йеро просто скучал и был благодарен за возможность развлечься. В общем-то, Вике, девочке из богатой купеческой семьи, не нужен был телохранитель, тем более элитный боец. Моя мама говорила по этому поводу: «Они просто хотят показать другим, что могут это себе позволить». Я до конца не понимала этого, но мне так нравилось, что Йеро тренируется с нами, что я предпочитала не задумываться. Он нравился мне, и, хотя в моем желании обучиться боевым приемам не было такой неудержимости и нетерпения, как у Вики, или такого честолюбия, как у Десмонда, тренировки все же нравились мне – как и все, чем мы занимались вместе с друзьями. Рядом с ними я ощущала гораздо меньше неловкости и отчужденности, чем с другими детьми, – те обычно считали меня смешной, потому что я погружалась в мечты, уносила куда-то мыслями или молчала, не зная, что нужно ответить.

– У меня есть идея, – прошептал мне Десмонд, пока Йеро целиком сосредоточился на Вике. – Я знаю, как нам до него добраться.

– Разве что мы свяжем его во сне, – с усмешкой ответила я. – Впрочем, я считаю, что Йеро не даст себя связать. Даже если он будет спать.

– Мой план довольно неплох. Ты в деле?

Я с любопытством посмотрела на Десмонда. Он вырос. Другие девочки, даже те, что были немного постарше, хихикали, когда мы пробежали мимо них, особенно если он улыбался им и бросал на них взгляд своих искрящихся зеленых глаз. Они искрились и сейчас – как обычно, когда ему приходила в голову какая-то идея. Часто его идеи приводили к неприятностям, но по большей части веселье стоило того. В конце концов, Йеро недавно в очередной раз объяснил нам, что на исход схватки влияют не только сила и техника, но также хороший план. Типично для Десмонда – попытаться реализовать это раньше, чем его попросят. Таким он был и в университете: пока Вика ворчала по поводу заданий, к которым еще не приступила, а я сидела, зарывшись в книги, потому что представляла все прочитанное в виде ярких сцен, он уже пытался угадать, что учителя потребуют от нас дальше, чтобы тут же справиться с этими заданиями. Он всегда думал на шаг вперед. Я была уверена, что из него когда-нибудь получится великолепный верховный министр, когда он унаследует этот пост от своего отца. Уж тогда-то ему придется оставить идеи, от которых одни неприятности.

– Что ты задумал? – спросила я, ощутив мурашки от нетерпения.

Наклонившись поближе, Десмонд что-то прошептал мне на ухо. Мое сердце забилося еще быстрее. Я была не такой храброй, как Вика или Дес, но, по крайней мере, работала над тем, чтобы преодолевать свои страхи.

– Сделаешь? – Десмонд уже улыбался. Он знал, что я не стану уваливать.

Разумеется, я кивнула.

– Лэйра, в чем дело? – окликнул меня Йеро.

Я совсем не заметила, что уже настала моя очередь.

– Не хочешь попробовать? Если вам не нравится тренироваться, я с радостью отвезу вас на занятия танцами.

Высунув язык, Вика изобразила ночную кошку, отпрыгивающую комочки шерсти. Она ненавидела занятия танцами и все, что с ними было связано. Вероятно, именно поэтому ее маме больше всего на свете нравилось распускать туговую прическу Вики, так, чтобы ее золотистые локоны рассыпались по спине, и наряжать Вика в миленькие платья, подол которых во время танца раскачивался у ее лодыжек.

Я быстро подбежала к Йеро, убедилась, что мои ноги стоят так, как он показывал, и подняла мюродем. На тренировках мы использовали настоящее оружие, а не деревянное, как во время игр, и, хотя клинки казались узкими и легкими в сравнении с настоящими мечами, мне было тяжело долго удерживать оружие поднятым. Йеро проверил мою стойку, взглядом напомнил мне, что нужно четче держать позу, и кивнул, показывая, что пора начинать. Я взмахнула клинком, атакуя с незащищенной стороны, и Йеро, пользуясь своим высоким ростом, замахнулся мечом и опустил его, отбивая мой удар. Сам этот защитный прием, который я никогда раньше не видела, впечатлил меня так сильно, что я невольно растерялась, не зная, что делать, – хотя клинок по-прежнему был у меня в руке, Йеро блокировал его так, что я была все равно что безоружна. Теперь я стану для него легкой добычей.

Меня спас Десмонд, который в этот момент завизжал, словно ему было не одиннадцать лет, а пять. Свой мюродем он держал в руке. Вдоль клинка стекала темно-красная жидкость. Она капала на землю, где уже начала собираться лужица.

– Десмонд! – испуганно крикнул Йеро. – Что случилось? Ты порезался?

Йеро протолкнулся мимо меня, и я на долю мгновения прижалась к нему и схватила кинжал, который висел в ножнах у него на спине. Оружие задрожало, словно жило своей

жизнью. Сначала я списала это на свое волнение, но потом во рту появился привкус соли и железа. Слишком поздно я поняла, что именно оказалось в моих руках.

Магия. Кинжал был полон магии! Она пронеслась по моему телу, словно ветер, и пробудила в моей памяти неразборчивый шепот.

Йеро был так занят рукой Десмонда, что не заметил наглую кражу. А Десмонд отбросил кожуру раздавленных мясных ягод, кроваво-красный сок которых и помог ему изобразить эту пугающую картину, и немедля атаковал. Йеро растерялся лишь на мгновение, а потом рассмеялся и с помощью коротких, убедительных атак преподал Десмонду небольшой урок боевых приемов. Потом настал мой черед. План Десмонда заключался в том, чтобы я пробралась за спину Йеро, осторожно проткнула его рубашку кончиком его кинжала и объявила ему, что он повержен. Это был хороший план, и я не сомневалась, что все получится, – обычно у меня все получалось.

Но обычно мне не приходилось держать в руках такую магию. Магию, которая была на вкус как соль и железо и нашептывала мне что-то, что мой рассудок был неспособен понять, а вот мое сердце...

Я занесла кинжал над головой. Замахнулась им.

Я не знала, почему я это сделала. Этого хотел кинжал. Этого требовала магия. Она была заточена в нем, и, хотя я за много лет научилась игнорировать ее, не замечать, делая вид, что ее вовсе не существует, на этот раз мне это не удалось. Эта магия оказалась сильнее меня. Она могла сделать со мной все, чего ей хотелось. И, борясь с этим чувством, я одновременно ощущала какое-то странное счастье.

Что-то поднималась от клинка, будто столб дыма. Он окружил меня словно вуаль, а затем неожиданно вытянулся вперед.

– Нет! – выкрикнула я, заметив, куда магия хочет нанести удар. – Десмонд! Пригнись!

Йеро оказался быстрее Десмонда. Он схватил его за плечо и толкнул вперед, затем поднял свободную руку и опустил голову. Я не понимала, что он делает, – только видела, что это не атака. Йеро успокаивал, умиротворял. Укроцал. Он укроцал магию.

Магия была безумной и сильной, она рвалась на волю, не спрашивая разрешения, теперь появилась еще одна сила, которая соперничала с ней. Она росла внутри меня, и я – вместе с ней, как бы страшно мне ни было и какое бы сопротивление у меня это ни вызывало. Она металась из стороны в сторону, как хвост рассерженной кошки. А потом, в тот момент, когда страх достиг пика, произошло именно это. Широко раскрыв глаза, я могла лишь бессильно смотреть, как магия нанесла удар паладину и он так сильно содрогнулся от боли, что у него на мгновение подогнулись колени.

Не знаю, как это мне удалось, но я резко опустила руку, в которой держала кинжал, и отбросила его в сторону. Он звякнул о камни, которыми был вымощен внутренний двор, и наконец остановился. Я отшатнулась от него, словно он в любой момент мог на меня наброситься. Магия уже давно ничего не нашептывала мне – она кричала.

Подбежав к кинжалу, Йеро схватил его, и в тот же момент голоса исчезли, и магия смолкла. Кровь текла из раны на затылке Йеро, пропитывая его рубашку.

Я чувствовала себя одинокой, такой одинокой, какой не чувствовала себя никогда. Что я только что наделала? Как я буду просить у него прощения? Что скажут Десмонд и Вика? Они оба стояли рядом друг с другом, растерянно глядя на Йеро и потрясенно – на меня.

– Не... не понимаю, что произошло, – запинаясь, произнесла я, хотя на самом деле я все понимала абсолютно точно. Произошло то, о чем мама всегда меня предупреждала. То, из-за чего она всегда запрещала мне заниматься подобными глупостями. Из-за чего я никогда не должна была поддаваться гневу, всегда сохраняя холодный рассудок. Магия вышла на свет. Теперь все знали, что я способна ее почувствовать. И более того – она почувствовала меня, она отреагировала на меня и буквально меня использовала.

На рынке, совсем недалеко отсюда, преступники, которые связались с магией, лежали под грудой камней, и извлекут их оттуда, когда в телах не останется ни малейшей искры магии – и ни малейшей искры жизни.

– Исключений нет, – говорила мне мама. – Не думай, что они проявят милосердие, потому что ты – дочь своего отца. К тебе требования еще выше, чем к другим. Тебе простят скандалы и любовные связи, но не магию. Никто не простит магию.

Йеро подошел ко мне, медленно, словно к полуприрученному зверьку. На самом деле, желание убежать было и правда почти неодолимым. Меня удерживал только стыд. По шее Йеро, от затылка до плеча, тянулся алый порез, опухший по краям, разверстый в середине и шириной в палец. Кровь все еще не переставала течь. В том, что Йеро пострадал, была виновата я одна, и я должна за это ответить. Но я не могла произнести ни слова.

– Лэйра, – тихо произнес Йеро, подошел еще на шаг ближе и взял меня за руку. – Ты в порядке, девочка? Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Я могла только неотрывно смотреть на его рану.

– Мне очень жаль.

– Это не твоя вина, Лэйра, это все кинжал. С тобой правда все в порядке?

Он врал. В кинжале и правда была магия. Но если бы его в руки взял кто угодно другой, она так бы и осталась в нем. Йеро просто хотел меня успокоить. Я дрожала всем телом.

– Вика, Десмонд, – окликнул их Йеро. – Подойдите сюда.

Он стоял совсем рядом с нами, и я ожидала, что друзья отвернутся от меня, убегут прочь или позовут своих родителей. Но они лишь выглядели растерянными и смущенно улыбались, рассчитывая этим меня успокоить.

– Только что вы увидели нечто исключительное, – произнес Йеро, словно речь шла о великой тайне, в которую он теперь собирался посвятить моих друзей. – Лэйра представляет собой нечто исключительное. Она может то, чего не могут другие люди. Как долго ты уже знаешь, Лэйра?

По моим щекам скатились первые слезы, и, когда это случилось, мне показалось, будто давление ослабло и мне стало легче дышать.

– Уже давно. В общем-то, так было всегда. Мне нельзя никому говорить. Никому. И уж точно не вам. Мама... – Мой голос сорвался, прежде чем я успела сообщить им, что мама сделала бы со мной, если бы узнала, что я натворила.

– И это совершенно правильно, – согласился Йеро. – Случившееся останется нашей тайной, согласна?

Я не могла отвести взгляд от его раны.

– Но...

– Я же говорю, Лэйра, не беспокойся об этом. Иногда во время тренировок случаются ранения. Я что-нибудь выдумую. Только мы четверо знаем, что на самом деле случилось. И это должно так и остаться. – Он серьезно посмотрел на каждого из нас. – И вы знаете, почему.

Десмонд так шумно сглотнул, что я это услышала. Вика шмыгнула носом. Она знала о тех грудях камней так же хорошо, как и я. О том чувстве ужаса, которое цепляется в затылок и не отпускает, когда слышишь, как из-под камней доносятся крики, мольбы или стоны.

В Немии было много запретов. Но ни одно нарушение не наказывалось настолько неотвратно, как использование магии.

– Вы справитесь? Сможете сохранить тайну?

Десмонд решительно кивнул.

– Конечно! Прости, Лэйра. Если бы не моя дурацкая идея, ничего бы не случилось.

Вика обняла меня и крепко сжала, хотя была заметно ниже меня ростом.

– Никто тебе ничего не сделает. Мы защитим тебя. И будем хранить твою тайну.
Йеро улыбнулся.

– Пока вы держитесь вместе и верны друг другу, с вами точно ничего не случится. Я вами очень горжусь. – Его взгляд снова скользнул в мою сторону. – Но тебе, Лэйра, нужно быть осторожней. Глупый проступок, который, вероятно, остался бы безнаказанным для Десмонда и Вики, тебе мог бы стоить жизни. Возможно, тебе лучше с этого момента постоянно носить перчатки. И если ты почувствуешь в каком-то предмете магию, как в этом кинжале, просто отдерни пальцы и иди дальше. Держись подальше от магии. Только так ты помешаешь ей перехитрить тебя и получить над тобой контроль.

Я опустила взгляд, проглотив возражения, которые вертелись на языке. Держаться от магии подальше было невозможно.

Потому что она – повсюду.

* * *

Удивительно, что день, который тогда казался худшим в моей жизни, теперь вызывал у меня лишь улыбку. Прошедшие годы нас изменили – всех нас. Вика стала воинственной и не такой легкомысленной. Я начала относиться ко всему более серьезно и чаще задумываться. А Десмонд... Десмонда несколько лет назад словно окутала какая-то вуаль, приглушавшая его свет, впрочем, никто, кроме нас самих, этого не замечал, а он сам не мог ничего объяснить. И все же все эти изменения, хорошие и плохие, лишь крепче связали нас друг с другом.

– Похоже, от вас так просто не отвяжешься, – сказала я Вике и Йеро.

– Именно так, – согласилась моя подруга.

Я вздохнула.

– Тогда, по крайней мере, не будем терять время. Чем дольше я об этом думаю, тем хуже я себя чувствую.

Вика подала мне поводья третьего коня, симпатичного мерина каштановой масти.

– Понимаю. Ты уже успела обрадоваться перспективе в одиночку пройти весь этот путь и прогуляться по царству мертвых.

Что я могла на это возразить? Но имела ли я право радоваться, что не одна? Конечно, в глубине души я радовалась. Но мне было стыдно из-за того, что я подвергаю подругу опасности.

Верхом мы быстро продвигались вперед и уже к полудню покинули пространство между полями и пастбищами, на смену которым пришли леса на склонах горы Волариан. Растительность здесь была не такая густая, как в низине, где уютилась моя деревня. Здешние леса состояли из развесистых кустов всех размеров, лохматых елей и сосен. Деревья росли слишком редко, чтобы тень защитила нас, и полуденное солнце гнало нас вперед. Несмотря на жару, мне нравилось, как пахло в лесу, и я глубоко вдыхала лесной воздух. В Царстве дэмов таких запахов явно нет.

Чтобы поберечь лошадей, мы ехали шагом, и благодаря этому у меня появилась удобная возможность поговорить с Йеро. Я столько лет с ним не виделась и по-прежнему не знала, почему он тогда просто исчез, перестав появляться при дворе. Я решила заговорить, прежде чем неуверенность сожрет меня изнутри.

– Можно задать тебе один прямой вопрос? – заговорила я, направив своего мерина так, чтобы он шел рядом с внушительной кобылой Йеро. Той это явно не слишком понравилось, и она продемонстрировала свое возмущение, шумно втянув воздух. Мой коричневый конек испуганно шагнул в сторону.

– Осторожней, – сказал Йеро. – Ласса явно не из самых дружелюбных.

Ухмыльнувшись, он добавил:

– Тебе хватит одного вопроса?

– Ласса? Ты назвал свою лошадь в честь южного ветра?

– А почему нет?

Я посмотрела на шею лошади, грациозно изогнутую, несмотря на свисавшие с нее поводья. Ее походка не слишком сочеталась с выражением ее морды – приоткрытыми губами и прижатыми ушами. Я никак не могла понять, видится ли мне в ее благородной морде скорее недоверие или презрение. Она казалась мне опасной и готовой к битве. Совсем не похоже на южный ветер – *лассу*. Он был теплым и мерцал яркими красками, потому что приносил светящийся песок с Эсариэса, коварной южной горы. Но также он делал разум мутным, воспоминания – запутанными и каждое лето отнимал жизни у несчетного количества людей.

– Это был интересный вопрос, – вставил Йеро, – если ты собиралась ограничиться одним.

– Этот не считается.

– Ну вот. Теперь у меня есть к тебе вопрос: ты училась ей пользоваться?

Этот вопрос был настолько абсурдным, почти высокомерным, что у меня кровь зашумела в ушах.

– Магией? Ты с ума сошел? Конечно, нет. Я ни на чем другом в своей жизни не была так сильно сосредоточена, как на стремлении скрыть, что я ее чувствую. Тебе это может показаться странным, потому что теперь я отправилась в Царство дэмов, – но я дорожу своей жизнью.

Он рассмеялся.

– Больше не случалось неожиданностей при краже кинжалов?

– Ни разу.

Я попыталась рассмеяться вместе с ним, но получилось не слишком убедительно. После того случая я придерживалась совета Йеро и сначала осторожно касалась большинства вещей руками в перчатках, чтобы понять, содержат ли они магию и, если да, какую. Иногда я ощущала ее уже на расстоянии, и тогда была осторожна вдвойне. Мысль о том, чтобы намеренно впустить магию в себя, воспользоваться ей, казалась мне настолько дерзкой, что сердце начинало колотиться, стоило только себе это представить.

– Значит, ты не стала даже самую малость развивать свои способности дальше? – Эти слова прозвучали в его устах почти как критика, хотя речь шла о том, что каждый день угрожало моей жизни.

– Ведь это ты тогда убедил меня, что так и нужно поступить.

Он вытащил веточку, запутавшуюся в гриве Лассы.

– Это было давно.

Вот он, подходящий момент, чтобы сказать главное.

– Это правда. А теперь ты задал мне два вопроса, значит, за мной остался еще один. Что случилось тогда, из-за чего ты неожиданно пропал?

– Вероятно, ты была единственным человеком при дворе, который об этом не знал, – напрямую ответил Йеро.

– Ходили слухи. – Это было преуменьшение. На самом деле это был целый скандал. – Конечно, я все понимала. Но я совершенно не...

– Это была правда, – перебил меня Йеро. – Все, что в них говорилось, – совершенная правда.

Я потеряла дар речи. Они были... Чушь! Ходили слухи о том, что Йеро изгнали из *пятерни*. Паладины жили, трудились и сражались всегда впятером, в едином отряде – *пятерне*. Их разделяли на такие группы еще детьми, и в таком созвездии они оставались всю жизнь. *Пятерня* заменяла паладину семью и друзей.

Слухи о Йеро вызвали такое возмущение именно потому, что за всю историю паладинов, насчитывавшую много столетий, такого не случалось ни разу, чтобы *пятерня* отвергала паладина. Паладин-одиночка – это просто невозможно. Что должно произойти, чтобы *пятерня* поступила с ним так невыносимо сурово?

– Почему?

Йеро шумно выдохнул. Его лицо изменилось. Выражение осталось тем же, но оно внезапно застыло, словно что-то – воспоминание, мысль или тревога – делало его жестче. Но он не произнес ни слова.

Дорога стала немного шире. Вика пустила своего коня легкой рысью, нагоняя меня.

– Возможно, тебе повезет больше, чем мне. Несколько недель назад, вскоре после того, как я навещала тебя в низине, он написал мне, и с тех пор я расспрашиваю его об этом. Но он ничего не рассказывает.

Йеро покачал головой, скорее смиренно, чем отрицательно.

– Я сказал достаточно. Тогда я сам принял решение. Как и моя *пятерня*. И никому из нас не пристало критиковать решения других.

Вика пожала плечами, я кивнула. Много лет назад Йеро уже доказал, что он на моей стороне, и я не только доверяла ему, но и была перед ним в долгу. Меня немного задевало, что он не хочет выдавать свою тайну, но, с другой стороны, я его понимала. Мы не виделись семь лет. Тогда я была еще ребенком. Избалованной богатой девочкой, которую сегодня и сама бы не узнала. Как я могла требовать от него, чтобы он сразу же поверил мне свои темнейшие тайны?

– Сейчас не важно, почему мне тогда пришлось уйти. В конце концов, я так и не вернулся ко двору, – словно между прочим сказал Йеро, приложив ладонь ко лбу и рассматривая уходивший вверх склон, который простирался перед нами. – И я не стану этого делать, если мы выживем. Там мне больше не рады.

– Так же, как и мне, – пробормотала я.

– Я пришел, потому что я все еще паладин. Потому что я не позабыл свою судьбу и свое предназначение, что бы ни случилось за это время.

Я заставила себя улыбнуться, хотя это далось мне нелегко.

– Так же, как и я.

– Вот так все и складывается, – ответила Вика, и в ее звонком голосе послышалась суровость. – А я бегу от судьбы и предназначения – как раз подходит. Посмотрим, куда это нас приведет.

Глава 5

Аларик

– Если будет не хватать, можно без проблем добавить. – В стеклянных глазах посланника читалась насмешка. Он обвивал торс Аларика тонкой цепочкой, то и дело подправляя ее, словно следуя каким-то странным представлениям о красоте. Аларик потел, и к его коже прилипала пыль. Виной тому стали не только лучи солнца, которые словно прожаривали его, хотя было только начало лета. Аларик не отворачивался, лишь задерживал дыхание, потому что у старика невыносимо воняло изо рта. Посланник явно понимал, что те места, в которых свежие раны пересекались со старыми шрамами, болели сильнее всего. Тщательно, словно художник, он располагал оковы, превращая их в странный узор. Был ли в этом какой-то смысл или он просто удовлетворял свою тягу к садизму?

– Если бы тебе это не нравилось, на твоей коже не было бы такого количества бесполезных рисунков.

Аларик молчал, хотя это было непросто. Каждое слово, которое Аларик произнес бы в присутствии посланника, рассказало бы хозяину, на которого работали они оба, больше, чем он хотел тому выдавать. Этот неизвестный ему человек не должен узнать, для чего он сделал татуировки, повторявшие форму тонких серебристых линий, которые возникали на его коже в ходе ритуала. К этому моменту узоры покрывали всю его грудь, спину, плечи и руки выше локтей. Некоторые линии доходили до затылка. И никто, кроме него самого, не смог бы с первого взгляда распознать, какие линии были подлинными, а какие – просто татуировкой.

– В конце концов, этим можно гордиться, – продолжал болтать посланник. Со временем он постарел, его кожа загрубела, а голова почти облысела. Удивительно, что он еще был способен взгромоздить свое высохшее тело на лошадь и одолеть утомительную горную тропу. Уже давно его сопровождали четверо, а не двое стражей. Вероятно, потому, что с двоими Аларик теперь справился бы без проблем. Но всерьез он никогда не пытался это сделать. Они заключили договор, он и его хозяин, и Аларик все еще оставался в достаточной степени кеппоханцем, чтобы считать действительной любую сделку, даже связанную с убийством, похищением и шантажом жизнью ребенка. Он заключил договор, и он его исполнит.

Оставалась последняя долговая печать.

– Этого с лихвой хватит, чтобы держать тебя в узде.

Посланник довольно осмотрел результат своих рук, а затем вытащил свиток из лежавшей на земле наплечной сумки. Как обычно, свиток был запечатан, но золотой воск почернел, когда его коснулись солнечные лучи. Аларик взял письмо в руки, быстро и решительно сломал восковую печать. Тут же перед его мысленным взором возникли картины, которыми его хозяин сопровождал каждое письмо, чтобы должник не забывал, что стоит на кону. Аларик не знал, что это – сон, видение или похищенное у него воспоминание. Но на мгновение и поляна, на которой они находились, и взрослый, сегодняшний Аларик оказались где-то далеко.

Ему снова было двенадцать, и он лежал, уткнувшись лицом в землю. Кровь текла из носа, смешиваясь с пылью и грязью. Посланник стоял над ним, поставив ногу ему на спину между лопаток, и держал меч у самой его шеи. Словно желая доказать, насколько остер клинок, его кончиком он подрезал волосы на затылке Аларика. Двое стражей подтащили Калейю ближе. Один из них схватил ее за волосы и толкнул ближе к Аларику, так что она оказалась прямо перед ним, в своей изорванной одежде. Она пристально смотрела ему в глаза, и в ее ледяном взгляде не было ни капли волнения, ни единого следа слез – лишь синяки, ссадины и

смешанная с грязью засохшая кровь на ее щеках. Это была Калейя, и в то же время не она. Казалось, словно она где-то далеко, а здесь осталось только ее тело.

Сколько времени могло пройти? Он не знал.

– Это добыча моего господина, – гнусаво произнес посланник. – Ты так на нее тарашисься, будто хочешь, чтобы она тебе досталась, приятель.

– Пожалуйста, отпустите ее. – Аларику понадобилось все его самообладание, чтобы не заплакать. – Возьмите меня вместо нее, но отпустите мою сестру.

– Хммм. К сожалению, ты просто жалкий мальчишка. Ты стоишь в лучшем случае в десять раз меньше, чем эта красавица. Мой господин обожает таких красавиц.

Аларика едва не стошнило, кислый желудочный сок обжег горло. Посланник еще сильнее надавил сапогом ему на спину. Что же ему теперь делать?

– У меня нет ничего, кроме моей жизни. Я бы отдал все, что имею, но... – Сможет ли он получить от родителей золото или шиллинги? Он готов был обокрасть их, чтобы освободить Калейю. – У моей семьи есть золото и драгоценности. Если вы дадите мне время, я смогу добыть все, что вы потребуете. Все!

– Ты понятия не имеешь, чего требуют мужчины, – выкрикнул один из стражей и расхохотался.

Он ошибался. Если бы Аларик действительно не знал, он бы не паниковал настолько сильно.

– Ты что, не слушал? – Посланник приставил меч к шее Аларика. Он почувствовал, как острое рассекает его кожу, миллиметр за миллиметром, вот только боли он не ощущал. Боль не имела значения. – Ты стоишь в десять раз меньше этой девчонки.

– И, если бы я мог, я заплатил бы своей жизнью десятикратно.

В этот момент посланник отпустил его, но, прежде чем Аларик успел подняться на ноги, один из стражей утащил Калейю прочь, а второй помешал Аларику броситься следом.

– Если ты согласен заключить договор, согласно которому ты должен будешь десятикратно отплатить мне своей жизнью, прежде чем получишь ее назад, можешь считать, что мы договорились.

– С ней не должно ничего случиться. Ей не должны причинять боль.

Посланник рассмеялся.

– Не думай, мальчишка, что ты устанавливаешь условия нашей сделки. Если ты согласен, будешь играть по нашим правилам. Ты получишь ее назад живой. Если этого тебе недостаточно – убирайся и поищи себе новую подружку.

Покалывание во всем теле, одновременно горячее и холодное, вернуло Аларика в реальность. Тонкий шрам на затылке, прямо под линией волос, словно проступил сильнее. Аларик ненавидел письма от хозяина, ненавидел эти иллюзии, ненавидел омерзительное злорадство на лице посланника.

– Ну что, продолжим, юноша?

Еще одна долговая печать. Одна-единственная. Если после этого он увидит старика снова, то свернет ему тонкую шею голыми руками. Он покрутил в голове мысль о том, что можно было бы использовать *рассекатель времени* и разделаться с посланником уже сегодня, – потом старик все равно умрет, до того как они встретятся снова. Но было бы глупо провоцировать хозяина сейчас. Сначала он должен сконцентрироваться на задании. На освобождении Калейи. А потом...

Аларик развернул свиток и бегло просмотрел написанное.

По поручению верховного министра Немии некий человек по имени Кадиз Хелльна отправился в царство теней, чтобы освободить сына политика из плена темного повелителя. Вне зависимости от того, потерпит он поражение или одержит победу, Хелльна не должен поки-

нуть Царство дэмов. Добейся этого, и тогда ты сможешь сломать последнюю долговую печать.

– Этот Кадиз Хелльна навсегда останется в царстве Повелителя дэмов, и тогда вы освободите Калейю? – переспросил Аларик. – Не важно, выживет Хелльна или погибнет?

Посланник поднял обе руки.

– Можешь даже превратить его в рыбу, главное, чтобы он там остался. Тогда мы вернем ее тебе. Ты же знаешь, мы везде сможем тебя найти.

– Живой и здоровой!

– А также чисто вымытой и избавленной от вшей, если тебя это порадует, конечно-конечно.

– Тогда я принимаю печать.

Аларик скатал свиток и сжал его обеими руками.

– Так ты готов? – выжидательно спросил посланник.

Стиснув зубы, Аларик прорычал:

– Да.

– Ну так наслаждайся. Если у тебя все получится, это в последний раз.

– Заткнись и давай уже!

– Если же ты опять не справишься... хм.

Он не должен поддаваться на подобные провокации. Он ни разу не провалил задание – ни разу.

– Твоя сестра – такая красавица. Все еще. Знаешь, женская красота мимолетна. И кто знает, когда для тебя найдется следующее задание. Может, к тому моменту ее красоте уже придет конец. Или... ты получишь двоих по цене одного.

Сердце Аларика словно взорвалось, красный туман заслонил ему взор. Он сам еще не успел понять, что произошло, а его пальцы сжали горло старика. Посланник хрипел и дрыгал ногами, но Аларик без труда удерживал его прижатым к земле.

– Я привык к твоим мерзостям, старик. Но не переходи границу!

Рядом с ними появились двое стражников. Аларик тут же разжал кулаки, перекатился в сторону и встал, стараясь держаться подальше от посланника. Словно успокаивая их, он поднял руки.

– Расслабьтесь, парни.

Кашляя, посланник снова поднялся на ноги; его сбивчивое дыхание превратилось в хриплый смешок.

– Ну-ну-ну. Я уже давно не видел тебя таким сердитым. Да ты даже более живой, чем я думал.

Аларик фыркнул. Живой? Ему самому так вовсе не казалось.

Он снова сжал свиток в ладонях.

– Давай уже, старик, начнем. Моя цель уже в пути, и я должен уничтожить этого человека, прежде чем он пересечет границу.

Посланник не упустил возможности сначала не спеша поправить сдвинувшиеся цепочки, как будто имело какое-то значение, где именно магические оковы вопьются в тело Аларика. Он снова испытал самообладание Аларика, повторяя каждое движение дважды и трижды.

Наконец все было готово. Посланник положил свои ладони поверх ладоней Аларика, впился своими желтыми ногтями в их тыльную поверхность и закрыл глаза. Бормотание, которое он издавал, было неразборчивым, походившим на какое-то гудение, мучительно долго ничего больше не происходило. Но потом темное заклятие обрушилась на него с силой, к которой он каждый раз оказывался не готов.

Свиток в руках Аларика мгновенно стал горячим, словно раскаленное железо. Он невольно попытался разжать пальцы – как и каждый чертов раз. Но от боли мышцы и сухожи-

лия свела судорога, так что пальцы лишь сжались еще сильнее. Мучения заполнили его разум, боль была повсюду – в глазах, в ушах, во всех его мыслях. В то же мгновение цепи преобразились, вплавляясь в его кожу, впились в его тело, еще глубже, быть может, в самую душу. Если она еще у него была.

Посланник выпустил Аларика, выкрикнул в его сторону еще одно безобидное проклятье и исчез. Аларик рухнул на колени.

Долгое время он был не способен пошевелиться. Только через пару часов к нему снова вернулся контроль над телом. В такие моменты он мог стать легкой добычей для дикого зверья или бандитов. И все же ему еще раз повезло. Если это можно так назвать.

Первое, что он сделал, – протянул руку к своей рубашке и снова надел ее, несмотря на то, что от ее прикосновения свежие раны вспыхивали болью – они были ярко-красными, выделяясь на фоне старых, серебристо-белых, и его татуировок. Затем он взял долговую печать – черную деревянную палочку, оставшуюся от свитка, – чуть длиннее его ладони и твердую, как камень. Несколько секунд он разглядывал ее, а затем засунул в потайной карман, который он специально для этого изнутри пришил к рубашке, и застегнул пуговицы на груди.

– Кадиз Хелльна, – прошептал он. – Кем бы ты ни был. Тебе ужасно не повезло, неудачник.

Глава 6

Лэйра

– Откуда ты вообще знаешь дорогу в Царство дэмов? – однажды спросил Йеро. Запрокинув голову, я посмотрела на склон Волариана, тянувшийся до самого замка эс-Ретнея. Словно ожидающее чего-то божество, замок возвышался на плато, высоко вверху на западной горе, самой высокой в горной цепи, и отбрасывал на нас свою тень. Князю нравилось по утрам выходить на балкон и в свете восходящего над восточными горами солнца осматривать все свои владения. Наверное, он вообще ничего не знал о тайной тропе, пролежавшей совсем недалеко от его двора. Иначе он никогда бы не допустил, чтобы ребенком я бродила среди скал Волариана.

– Мне пошло на пользу, что я так много читала, слушала всяческие народные песни и старые сказания, – не задумываясь, ответила я. – В некоторых из них говорится так: «Царство Повелителя находится в конце неопisanного пути». И мы как раз на него свернули. На дорогу, которая существует, но не отмечена ни на одной карте. И в конце ее находится то, что также описывается в легендах, но не на картах: разрушенный мост.

– Как ты нашла мост?

Недовольное выражение кобылы Йеро постоянно беспокоило моего мерина; он то и дело косился назад. Я тоже оглянулась и обменялась взглядами с Викой. Она кивнула. Если она доверяла Йеро, то могла доверять и я.

– Меня привела туда магия.

Я буквально ощутила затылком взгляд Йеро.

– Ты же только что утверждала, что ей не пользуешься.

– А я ей и не пользуюсь. Я делаю кое-что другое. – Нечто менее дерзкое, но столь же запретное. – Я продаю ее. В конце неопisanной дороги есть маленький рынок, на котором встречаются люди, желающие продать или купить вещи, которыми не дозволено торговать в Немии.

Оглянувшись еще раз, я заметила, что Вика укоризненно посмотрела на Йеро.

– Ну что? – спросила она его. – Не смотри на меня с таким упреком. Я хотела, чтобы Лэйра сама тебе рассказала.

– Ты тоже ходишь туда? – спросил он ее.

Я быстро ответила вместо Вики:

– Нет! То, что я ей об этом рассказала, – уже чересчур. Я не брала ее с собой и не описывала ей дорогу.

– К сожалению, – напевно произнесла Вика, – сегодня у нас не будет времени, чтобы заглянуть на рынок.

– Неподалеку есть постоялый двор, – я быстро сменила тему. – Нам придется оставить там лошадей. Мы не сможем взять их с собой – увидите, почему.

Йеро дернул уголком рта.

– Что это за торговля, которую ты ведешь?

Я вздохнула. Даже сейчас мне было сложно об этом говорить. Возможно, из-за того, что мама почти каждый день вбивала в мою голову, как важно, чтобы я молчала о подобных вещах. Как будто я была монетой, на которой отчетливо отчеканена ее цена, и этого уже не изменить.

– Точнее говоря, я продаю магические артефакты. Я ощущаю магию в вещах.

Откуда-то неподалеку со стороны горы донесся раскат грома.

– В ней есть что-то, что другие воспринимать не могут, – а я могу. Обычно *это что-то* вроде покалывания. Магия притягивается к моей коже и одновременно отталкивается от нее. Часто я слышу пение в воздухе, мелодии без слов, состоящие из звуков, для которых нет нот, –

совершенно дисгармоничные и одновременно прекрасные. Иногда я вижу цвета, а еще реже – движение там, где другие видят лишь неподвижность, или я чувствую на вкус или чую что-то, чего на самом деле не существует.

Вика задумчиво рассмеялась, словно в этом было что-то безумно романтическое. Йеро слушал с непроницаемым выражением лица.

– Я собираю артефакты, в которых есть магия, – рассказывала я дальше, – а потом закрываю лицо платком, как женщины из пустынь Южного Амисаса, иду на черный рынок у Разрушенного моста и продаю их там. Мы с мамой живем на эти деньги, я покупаю на них лекарства для нее. Денег за кое-какие травы и мази, козье молоко и сыр, которые я продаю в деревне, едва ли хватило бы на то, чтобы рассчитаться с долгами за бревна, из которых построен наш дом.

Вика шумно выдохнула.

– Было бы проще, если бы ты позволила тебе помочь. Может, многого мне и не хватает, но вот шиллингов у меня предостаточно.

Я подвела свою лошадь чуть ближе и взяла Вику за руку.

– Возможно. Но ты слишком дорога мне как подруга, чтобы я позволила тебе стать человеком, который обеспечивает меня деньгами.

Вскоре после этого дорога стала слишком узкой, чтобы ехать рядом, потому что вплотную к ней тихо журчал протекавший в глубоком ущелье горный ручей. В молчании мы ехали вдоль него по извилистой дороге.

– Будьте начеку, – окликнула я остальных. – Обстановка здесь может казаться обманчиво мирной. Здесь редко можно кого-то встретить, но если это все же случается, то приносит одни проблемы.

В прошлом году я наткнулась здесь по дороге на молодого жеребца саблерога. Сначала я приняла его за обычную лошадь, потому что саблероги обычно держатся на расстоянии от людей. Они нарушают это правило, только если ужасно напуганы, – а напуганный хищный зверь способен на все. Мне пришлось высоко забраться на осыпавшуюся скалу, чтобы спастись от его острых, как лезвие ножа, зубов, растущего на носу рога и прочных, как камень, копыт.

Пока что только тут и там из трещин в камнях пробивались отдельные живучие растения, и кроме десятка змей, которые нас словно не замечали, и блестящих черных горных скорпионов, которые самоуверенно вытягивали свои жала, когда мы оказывались слишком близко, ничего живого не обнаружилось.

Где-то над нами снова раздался звук, похожий на смех вдалеке, а следом за ним послышался стук. Я подняла голову, непроизвольно уклоняясь, и перед нами упало несколько камней, которые затем скатились в ручей.

– Спокойнее, старик, – прошептала я, сняла перчатку и положила ладонь на скалу. – Мы ничего тебе не сделаем, Волариан, нам нужно просто пройти здесь.

Горы Немии были могущественными, неспешными существами, которые за тысячу лет успевали сделать лишь один вдох. Обычно им не было никакого дела до того, что мы строили наши дома и города на поверхности их кожи, если мы оставались с ними вежливы и благодарили их за защиту. Но время от времени мы, видимо, царапали или щекотали их, и тогда они отвечали на это тряской или дрожью. А иногда они просили о помощи Лиаскай, и та посылала дурную погоду: штормовые ветра, из-за которых в низинах возникали разрушительные торнадо, или грозы с дождями, после которых люди уже не были прежними.

Волариан, великая западная гора, время от времени развлекался тем, чтобы досаждать проходящим по нему путникам. Вся знать двора эс-Ретнея уже не раз на несколько дней или недель оставалась заперта в замке, потому что гора делала пути непроходимыми и падающими камнями напоминала о своем превосходстве всем, кто игнорировал это предупреждение.

А вот что Волариану точно было не по нраву, это слишком много людей на его тонких узких тропках, в стороне от общеизвестных дорог.

Но на этот раз я не почувствовала в камне ни намек на тьму, ни багрово-красного предупреждения, ни светящегося желто-зеленым скепсиса. Гора всего лишь беспокоилась, можно было даже сказать... тревожилась.

Продолжая скакать дальше, я еще некоторое время успокаивающе скользила рукой по скале.

– Все в порядке, старый друг. С нами ничего не случится, мы можем о себе позаботиться.

Возможно, он и правда переживал обо мне. Возможно, то, что всегда предрекала мне мать, оказалось правдой: Волариан был моим защитником. Он никогда не давал мне этого понять, и, хотя моей матери его защита не принесла ничего хорошего и навлекла на нее много несчастий, я всегда надеялась, что однажды он откроется и мне. Он казался более подходящим для меня, чем все остальные; хотя Вика была убеждена, что мне подойдет только ее гора-защитница: Иста, гора света, расположенная на севере. Но я была уверена: моя гора – Волариан; просто он отмалчивается. А может, из-за своей магии я оказалась единственной немийкой без горы-защитницы? Может, даже горы презирают меня за то, кто я? Или они знают меня лучше, чем я сама, и просто не считают меня достойной? В это я не хотела верить, потому что никогда не ощущала, чтобы от камня исходило отвержение. Напротив: я чувствовала себя в безопасности в его холодных ущельях и мне было спокойно на его склонах. Но почему никто не хотел защитить меня и принять в свой круг?

Вика спешила и пошла рядом с моим конем, ведя своего за собой на длинной узде.

– Магия и правда такая, как ее описывают в книгах?

Ее вопрос ошаршил меня. Она никогда не задавала много вопросов, но когда у нас была возможность поговорить, не опасаясь, что кто-то подслушает?

Я тоже выбралась из седла, чтобы идти рядом с ней.

– Ты себе не представляешь, как много чуши в этих книгах. Даже в тех, которыми пользуются в университете. По-настоящему полезны только неизвестные труды, которые можно найти лишь случайно, потому что их помещают не в тот раздел или прячут в какой-нибудь пыльный сундук.

Я очень сильно скучала по учебе в университете. Десмонд однажды сказал, что моя жизнь по-настоящему началась только с моего десятого дня рождения – когда мне, наконец, разрешили ходить в университет. Если следовать его теории, получалось, что я умерла, когда мне было четырнадцать и нас отправили в изгнание в деревню в низине. Потому что отныне у меня почти не оставалось доступа к книгам, образованию и культуре.

– И как она работает на самом деле? – осведомилась Вика. – Ведь если ты имеешь дело с магическими объектами, вряд ли вся магия принадлежит кланам, как нас учат. Или... – она запнулась, – ты ворует магию?

Я покачала головой:

– Немия тоже не такая, как описывают в книгах. То, что мы учили в университете – что вся магия была покорена и передана в руки кланам, – может быть, и правда для всего остального континента. Но в Немии иначе, здесь магия дика и свободна, она таится повсюду. Может быть, это из-за того, что наша страна такая крошечная и зажата между горами. Может, магия у нас настолько слаба, что никого еще не заинтересовала. Предметы, которые я нахожу, не способны творить чудеса. Иначе бы я воспользовалась этим прямо сейчас. – Я бы не заметила, каким мрачным стал мой голос с последней фразой, если бы Вика не вытянула руку, чтобы ободряюще потрепать меня по плечу.

– По-моему, все это и без чудес очень впечатляюще. Дикая магия! Кто знает, как часто я уже спотыкалась обо что-то магическое. Возможно, я пью свой чай из магического чайника. Может, у тебя есть что-то магическое с собой?

– Да, есть. – Я вытащила камушек, который носила на кожаном ремешке под одеждой. – Я не могу сказать, какого рода магия прячется в нем, только знаю, что он магический. – Даже сквозь перчатку я ощущала: камень будто дышит. Он испускал золотисто-алую энергию, от которой покалывало кожу, и тут же поглощал ее обратно. Как будто он расходовал и поглощал магию, питаюсь ей. – Знаешь, откуда он у меня? Ты тоже была там. Помнишь, как мы нашли сокровище?

– Сокровище в тюремной камере глубоко под замком? Как я могу забыть!

Я тоже часто об этом вспоминала. Это было так увлекательно – пробираться среди древних камер, в которых по большей части не было ничего, кроме выцветших костей и крысиного помета. Тогда мы нашли сундук со старинными монетами, потускневшими украшениями, гобеленами и коврами, настолько прогнившими, что рисунка было не различить. Каждому из нас разрешалось в качестве награды взять себе что-то одно, и я до сих пор помнила, что Вика взяла заржавевший кинжал, а Десмонд – табакерку, в которой он потом весь год прятал карамель. И так же хорошо я помнила, как быстро забилося мое сердце, хотя я должна была обходить магию стороной. В те времена я послушно следовала этому правилу, но этот камень, круглый, как бусина... нет! На этот раз – нет. Я не смогу отдать его князю. Это невозможно.

Вика протянула палец к бусине, но помедлила. Я кивнула.

– Можешь потрогать, не бойся.

Она скользнула по нему кончиком пальца, и на ее узком лице отразилось безмолвное разочарование.

– Я ничего не чувствую.

– Тут нечему удивляться. Если бы я смогла и дальше изучать магию, если бы у меня остались мои книги, результаты, полученные учеными из кланов... тогда я, быть может, когда-нибудь поняла, почему ее чувствую я и никто больше. Или узнала бы, какой от этого камня может быть толк.

Вика в задумчивости стиснула губы. Наконец, она сказала:

– Я всегда понимала, что тебя расстроило, когда тебе запретили ходить в университет. Но до нынешнего момента я не понимала почему.

– Это худшее в нашем изгнании. Все остальное я смогла преодолеть.

– Знаешь что? – спросила Вика. – Мы с Десмондом всегда жаловались, когда преподавательница задавала нам исследовать историю какого-нибудь ритуала. А ты едва не лопалась от радости, что тебе разрешили выяснить что-то новое, как бы долго тебе ни приходилось это искать.

Я поняла, что улыбаюсь.

– Зато я была не в восторге, когда нам приходилось учить что-то наизусть.

Вика шутя толкнула меня в бок.

– А ты думаешь, нас это сильно радовало?

Теперь мы уже сошли с проторенной горной дороги. Наша тропа вела круто вверх, скрытая среди сучковатых зарослей и колючего вереска. Мы перелезали через валуны, где лошадям приходилось быть осторожными, чтобы не поскользнуться и не упасть, и все уже запыхались. Хотя я уже не раз проходила по этому пути, каждый раз я снова переживала, что не найду дорогу. И сегодня тоже.

Но тут мы обогнули еще один валун, высотой в человеческий рост, и увидели его: тайный путь, которого не было на картах. О котором знали лишь те, кому было что скрывать.

Глава 7

Аларик

Свет лежал на вершинах гор тончайшей золотой пленкой. На восточные горные цепи уже упали вечерние тени, а южная гора, с ее многочисленными пещерами и шахтами, где добывали железо и уголь, как обычно, укуталась сумраком, который она так любила и который как будто был ей нужен. Уже светилась в предвечерии вечера увенчанная снегом даже летом северная гора; в ее склонах были вырублены самые роскошные города, улицы которой опутывали скалы светящейся сетью, изгибаясь так, что кое-где окна домов оказывались совсем рядом. Вечером она походила на ночное небо, полное звезд. В долине напротив все казалось черным, словно она стыдилась и не хотела, чтобы ее видели.

Аларик стоял на стене высотой в человеческий рост. Никто не рискнул бы пробираться с плато через эти стены – разве что кто-то, намеревавшийся умереть. Аларик тоже испытывал стыд, взглядывая вниз, в долину. Встряхнувшись, он прогнал воспоминания прочь. Они ничего не изменят.

Теперь ему оставалось только думать о том, как все началось, – а началось все, иначе и не скажешь, погано. Он быстро нашел группу Кадиза Хелльны, но им было абсолютно начхать на его попытки присоединиться к ним. Они не только не выслушали его, но погнались за ним, угрожая оружием, и ему пришлось вернуться. Попытаться атаковать Хелльну, окруженного палатинами, было совершенно бесперспективно. Но как ему теперь последовать за ними, если преодолеть границы Царства дэмов можно только вместе с Искателем? Когда Аларик уже начал опасаться, что потерпит неудачу, он подслушал на черном рынке какого-то паренька, который рассказывал о еще одной группе, отправившейся в Царство теней. Это – его шанс, и он готов был отдать все, чтобы они взяли его с собой. К сожалению, эти люди задерживались.

Ему не нравилось, что ему приходится изображать терпение, которое для немийцев было само собой разумеющимся. Его собственный народ имел немало достоинств, но терпение было им чуждо, и Аларик за последние годы выяснил, что кеппоханец может освоить и выработать немало черт – но не терпение. Оно давалось ему так же сложно, как и умение находиться в одиночестве. Десять лет одиночества, но он был все так же далек от того, чтобы наконец к нему привыкнуть. А немийцам это, кажется, давалось легко. Они жили в мире могущественных гор и переменчивых ветров. Но было кое-что, что жители Немии строго контролировали: самих себя и свои чувства.

Услышав мерный стук копыт, кажется, доносившийся со стороны каменистой горной тропы, он тут же сосредоточился. Наверняка это та группа, которую он ждет. Так что Аларик посмотрел в сторону новоприбывших, вынул из кармана свой рассекатель времени и позволил прикрепленной к нему цепочке соскользнуть на пальцы.

Трое путников взобрались по ступеням к плато, ведя лошадей за поводья. Почему только трое? С ними нет *пятерни*? Вперед вышел мужчина – судя по осанке, солдат. Сразу за ним шли два человека поменьше – силуэты, скрытые плащами, а лица – капюшонами. Женщины; одна из них, помедлив, осмотрелась. Второй явно было знакомо и это место, и путь, потому что она сразу же двинулась в нужном направлении.

Аларик спрыгнул со стены, слегка отряхнулся и зашагал наперерез этой троице.

– Я знаю, зачем вы здесь, – без обиняков сказал он, и рука воина тут же скользнула к рукояти мюродема. – Но не бойтесь, я не попытаюсь ни задержать, ни обокрасть вас.

– Нет? – спросил мужчина, посмотрев на дорожку крови, проступавшую сквозь рубашку Аларика. – Жаль. А я-то уже порадовался.

– Вынужден вас разочаровать, сир. Я просто банально и старомодно... помогу вам.

– Нам не нужна ваша помощь, – возразил воин.

Скоро он поймет, насколько он не прав.

– Значит, вы неправильно информированы. – Аларик улыбнулся. – Я предложу вам кое-что, что по-настоящему вам нужно.

– Вы не знаете, что нам нужно.

– Вы в этом уверены? Предполагаю, вам не помешала бы возможность заглянуть в будущее. Вы хотите предстать перед Повелителем дэмов, не так ли?

Молчание троих сказало достаточно: да, это было так, и они выглядели возмущенными тем, что Аларик об этом знал.

– Не переживайте, это известно лишь немногим.

– Чего вы хотите? – прорычал воин.

– Вопрос в том, чего вы будете хотеть от меня, когда я договорю до конца. Знаете ли вы, что уже опоздали? Сегодня днем группа наемников пересекла границу Царства дэмов.

– Еще кто-то ищет Дес... – спросила одна из женщин, но вторая жестом заставила ее замолчать.

Аларик пожал плечами:

– Кто знает, кого они ищут. Проклятых там в избытке. Но, как говорят легенды, отпустят только одного. – Он слегка понизил голос: – На рынке говорят, что границы закроются после того, как они пройдут, и откроются лишь через несколько дней. Так что вы уже опоздали. Какая удача, что я как раз могу предложить вам время.

Мысль о том, что ему предстоит поделиться с ними своим бесценным временем, причиняла боль Аларику уже сейчас. Но он должен был дать им причину взять его с собой, и за это, так или иначе, нужно заплатить. Без Искателя ему не перейти границу, и, только оказавшись по ту сторону, он сможет позаботиться о том, чтобы Кадиз Хелльна остался в Царстве дэмов. Они *должны* взять его с собой, и, даже если ему для этого придется раздеться догола и станцевать перед ними стоя на руках, он сделает это без сомнений.

– И правда, какая удача. – Воин посмотрел на Аларика, словно обдумывая, как насадить его на шомпол, пожарить до хрустящей корочки и подать с луком и хлебом. Но все же не стал его прогонять. – И по счастливому стечению обстоятельств ваше время еще и недорого стоит, да?

– Практически даром.

– Вот это совпадение, – сказала вторая женщина стеклянно-чистым голосом, и кровь Аларика словно превратилась в ледяную воду. Он знал этот голос, знал эту женщину. Только сейчас он посмотрел на нее – и теперь не понимал, почему он не узнал ее сразу. Ее лицо скрывала тень свободного капюшона, так что он не видел ни ее зеленых, слегка раскосых глаз, ни веснушек. Но он должен был узнать ее по позе, по тому, как она двигалась: гордая и прямая, как придворная дама, и при этом ловкая и мускулистая, как девушка, которая изо дня в день занималась тяжелой работой.

Лэйра.

Изгнанная дочь, ничья дочь.

Он знал ее как Лэйру, не задумываясь о том, кем она была на самом деле: Луилэйра эс-Ретнея, принцесса Немии, единственный ребенок князя.

Оставаясь верной изгнанной матери, она выбрала жизнь в изгнании, и потому при дворе восхищались ее непреклонностью и мужеством.

А потом появился Аларик. Целое лето он провел рядом с Лэйрой, предаваясь иллюзиям о счастье и свободе. И о любви.

Только для того, чтобы потом разрушить все, что оставалось в ее жизни.

Обжигающие угли, жаркое пламя! Здесь-то она что делает?

– Аларик Колэ. – Лэйра медленно, но решительно подошла к нему, скрестив руки и слегка наклонив голову, прищулив зеленые глаза, как кошка, сосредоточенная исключительно на своей беспомощной добыче. Ее взгляд совершенно лишил его самообладания, и дело было не только в том, что раньше он никогда не сталкивался с ее снисходительностью.

– Почему меня не удивляет, что я снова вижу тебя здесь? Здесь, куда стекаются лжецы и предатели? Что ты *совершенно случайно* собираешься продать мне как раз то, что мне *якобы* нужно?

– Я... я не знал, что ты... как раз... Лэйра...

– Что? – она прервала его хрипкое бормотание. – Как обычно, оказываешь князю мелкие услуги?

– Нет. – Его губы разжались беззвучно, и ему пришлось шепотом повторить еще раз: – Нет. Я уже три года не видел князя. Я был в Эшриане.

– Лучше бы ты там и оставался. – Разумеется, она не верила ни единому слову. Но на ее месте он вел бы себя точно так же.

– Так что ты здесь делаешь, Лэйра? – Он облегченно рассмеялся, догадавшись, что, наверное, по ошибке принял их за тех, кого он ждет. – Решила посетить тот рынок неподалеку, верно?

Ее лицо не дрогнуло, и он понял ответ.

– Ты хочешь отправиться в Царство дэмов?

– Хочу? Я бы предпочла какое-нибудь другое слово, но, в конце концов, ты совершенно прав. Я хочу туда отправиться.

– Нет, – произнес он, почти умоляя. Но если Лэйре что-то втемяшится в голову, она не отступится. Еще маленькой девочкой она никогда не принимала поспешных решений и всегда все тщательно обдумывала. – Зачем... я хочу сказать, что тебе там нужно?

Она медленно прищурилась, а затем подняла бровь.

– Наверное, я сплю. Герой, которого я так долго ждала, пришел, чтобы меня спасти. – Она подошла поближе, так близко, что он мог бы ее коснуться, хотя это была определенно глупая идея. – Ах нет, погоди. Я не ждала героя, и меня не надо спасать, и не надо говорить мне, что делать и чего не делать. А даже если бы это было так, – ее взгляд скользнул по его груди и по запачканной рубашке – он почти что ощутил этот взгляд, словно прикосновение, – тогда ты был бы последним, к кому я прислушаюсь. Самым последним. Вон та лошадь даст мне лучший совет, чем ты. Так и передай своему приятелю, князю.

До этого момента Аларик не подозревал, что она способна на столь ядовитый сарказм.

– Лэйра, пожалуйста, послушай меня еще секунду. Я больше не связан с князем и никогда не буду связан. Клянусь тебе. Ты не знаешь, во что ввязываешься, ты...

Она резко перебила его:

– Нет. У меня нет времени на пустые слова. Они меня не интересуют.

Если бы он только мог объяснить ей, почему ему тогда пришлось ее выдать. Слова обжигали ему рот, как горящие угли, ему хотелось выплюнуть их. Но он не мог.

Заклятие долговой печати не просто запрещало произносить определенные слова, оно делало объяснение невозможным. Даже мельчайший кусочек истины заставит его пойти на еще большую ложь. Он уже ощущал, как оковы на коже испускают холодный свет – предупреждение о том, что случится, если он произнесет запретные слова. Они убьют его, а эту цену он заплатить не мог. Пока еще не мог. Пока жизнь Калейи зависит от него.

– Уйди с дороги, – сказала Лэйра, хотя она и так могла пройти мимо него.

Он перебирал варианты. Она не отступится, это просто не в ее духе. Очевидно, в плену у дэмов оказался кто-то, кто ей дорог. Достаточно дорог, чтобы она оставила в одиночестве свою больную мать?

– Кого ты ищешь? – Ему понадобилось приложить огромное усилие, чтобы голос звучал ровно.

Она посмотрела ему прямо в глаза, так пристально, словно читала его мысли, но ничем не выдала, что именно она увидела. О том, что она злится, можно было догадаться только по крошечной складке между бровями. Взгляд ее изумрудно-зеленых глаз оставался мягким, губы нежными и слегка приоткрытыми. Как и тогда, когда Аларик впервые спросил ее, как бы она отнеслась, если бы он дотронулся до них своими губами. По вкусу ли ей будет поцелуй.

Теперь взгляд Лэйры следовал по новой траектории, которую он ощущал всей кожей: вдоль линии из крошечных белых точек, которые начинались у уголка его левого глаза, тянулись по веку, дальше за ухо, переходили на шею, на затылок, а дальше – этого она, конечно, не могла увидеть под одеждой – покрывали грудь и спину. Какие-то из его татуировок были знакомы Лэйре, другие были новыми. Но она понятия не имела, что они были нужны, чтобы скрыть его магические оковы.

– Кого я ищу, тебя не касается, – голос прозвучал мягче, словно мысль о человеке, оказавшемся в плену, ее успокоила.

– Что плохого может случиться, если ты мне скажешь?

Она приподняла уголок рта, словно намекая на холодную улыбку.

– Предполагаю, что многое, но ты все равно выяснишь все, что захочешь узнать, – произнесла она, подняв голову. – Я отправилась к Повелителю дэмов, чтобы требовать от него освобождения моего возлюбленного.

Возлюбленный.

Ему пришлось сглотнуть. Конечно, такая женщина, как она, найдет мужчину, который сможет отдать ей свою любовь, свободно и без принуждения. Он же, напротив, причинил ей вред, нарушил ее доверие; поэтому она разговаривала с ним жестко и отстраненно.

Ради человека, который не растоптал ее чувства, Лэйра была отзывчивой, верной и готовой преодолеть все свои страхи. К сожалению, она из тех женщин, которые ради любви без колебаний отправятся к Повелителю дэмов.

Ах, Лэйра. Почему именно ты?

– Прощай, Аларик.

Ее прощальные слова прозвучали тихо и неожиданно искренне. Она отошла, завернувшись в плащ. Вторая женщина тут же подбежала к ней и заговорила с ней. Солдат тоже что-то пробормотал, но Лэйра решительно покачала головой.

– С этим человеком, – громко произнесла она, бросив взгляд в направлении Аларика, – я не стану иметь дела.

Станешь, с сожалением подумал Аларик. У нее есть цель, и она будет к ней стремиться. В этом она ничем от него не отличается. *Я бы многое отдал, чтобы мне не пришлось на это идти, но тебе придется иметь со мной дело, Лэйра.*

Глава 8

Лэйра

Аларик Колэ.

В этом путешествии я готова была к встрече с любыми ужасами, но не к тому, чтобы увидеть его снова. Все мои намерения оставаться независимой и спокойной, как это пристало немийке, пошли прахом в его присутствии. Когда он был рядом, кровь кипела в моих венах; даже камушек на моей шее внезапно становился горячим и тяжелым, и, несмотря на круглую форму, у него словно появлялись острые грани. Аларик Колэ каждый раз пробуждал ту часть меня, которой мне вообще не следовало бы обладать и которую я всю жизнь пыталась укротить, потому что она раз за разом приносила мне одни неприятности.

Насколько велики были эти неприятности, я до этого момента в полной мере не понимала. Аларик мог убеждать меня в чем угодно, я была уверена, что он уже направился к князю, чтобы донести ему: я без разрешения покинула место изгнания. Если у мамы из-за этого будут неприятности... проклятье! От злости у меня выступили слезы. Готов ли Йеро убить его, если я его попрошу?

Я предупредила остальных, чтобы они избавили меня от вопросов. Вика явно заметила, насколько хрупко и уязвимо мое самообладание, поэтому предпочла не выяснять, что будет, если рухнет последний барьер.

Мы молча шли дальше по горной тропе. Мне всегда казалось, будто ее по расщелине между скал проложило само время. То и дело путь между каменной стеной и ущельем становился настолько узким, что неверный шаг стал бы последним; лишь изредка горы позволяли бросить взгляд на низину, которая, как и почти всегда, оставалась в тени. Ах, если бы воспоминания могли скрыться из виду так же легко, как обнищавшие низинные деревеньки.

Подойдя к постоялому двору, мы с Викой остановились чуть поодаль от него, наблюдая за другими путниками. В том, чтобы на подступах к рынку подождать, пока пройдут другие, не было ничего необычного – здесь всем было что скрывать. Йеро один вошел в конюшню рядом с постоялым двором, чтобы оставить там наших коней. Он тут же вернулся, по-прежнему ведя Лассу в поводу и ругаясь на то, как дорого здесь стоит оставить лошадь «на неопределенное время». Вика только улыбнулась. Если у нее чего и было в избытке, так это шиллингов, и затраты на содержание лошади были бы ничтожными по сравнению с тем, что ей пришлось потратить, чтобы избавиться от своего настоящего телохранителя. Тому пришлось отправиться в Лиаскай, туда, куда якобы хотела и Вика, чтобы посетить известный храм – идея, которую поддержали и ее родители, поскольку некоторое желание посмотреть мир входило в число качеств, которые молодая немийка ее положения должна была приносить в отношения с супругом.

– Ты хочешь взять с собой Лассу? – возмущенно спросила я у Йеро.

– Ласса последует за мной туда, где не светит солнце, – невозмутимо возразил он, потрепав лошадь по шее. – Говорят, в Царстве Повелителя дэмов нет ветров. Так что она нам пригодится.

– Думаю, там вряд ли найдется существо, которое не смотрит на лошадь как на еду.

– Ласса умеет за себя постоять. А я смогу ее защитить.

Я понятия не имела, как лошадь сможет перебраться через Разрушенный мост или защитить себя от жаждущих крови голодных дэмов. Но Йеро лучше меня знал, на что шел.

– У нас есть другая проблема, – сказал он, оглянувшись на трактир, хозяин которого как раз вышвыривал на улицу компанию вопящих и шатающихся молодых людей.

Я тут же насторожилась.

– В чем дело?

– Похоже, твой старый друг сказал правду, – пробурчал Йеро.

– Аларик? – я фыркнула. – Он всегда выглядит так, будто говорит правду, но это ничего не значит. И он уж точно мне не друг.

– Он сказал, что одна группа уже отправилась к границе. В конюшне говорят то же самое. Какой-то мужчина и *пятерня* паладинов.

Проклятье. Проклятье!

– И это правда? Границы Царства дэмов действительно станут непроницаемыми?

– Да, на какое-то время.

Я поняла то, чего Йеро не произнес вслух, но что слышалось в интонации его встревоженного голоса: эта задержка отбросит нас далеко назад.

– То, что они были здесь раньше нас, ничего не значит, – решила я. – Мы поспешим и, возможно, их перегоним.

Вика молча шла рядом. Мы двинулись дальше пешком, следя за тем, чтобы никто не заметил, куда мы свернем. Их незадаанные вопросы кружились вокруг меня, словно стайка мелких хищников. Я обязана была объяснить Вике, в чем проблема с Алариком. На мгновение мне показалось, что я не в состоянии это сделать. Он причинил мне невыносимую боль, и каждое слово о нем, которое я произносила вслух, будет достаточно острым, чтобы вспороть мою защиту и чтобы неконтролируемо и неудержимо выпустить на свободу все мои чувства; а я останусь бледной, слабой и обескровленной. Сейчас я не могла себе этого позволить. Мне нужна вся моя смелость и все мои силы, если я хочу спасти Десмонда.

Десмонд. Я мысленно шептала его имя, вызывая перед внутренним взором его лицо, его рот, который редко улыбался, его умные зеленые глаза. Десмонд никогда не причинял мне боли. Мы могли ссориться, но он никогда не позволил бы себе отбросить меня, как бесполезный камень, принятый за драгоценность лишь по ошибке.

Если бы только я смогла забыть, как сильно я была влюблена в Аларика Колэ. Если бы только я смогла забыть весенний праздник три года назад, когда он появился словно из ниоткуда. Если бы я только смогла забыть, как он превратил для меня горестную, забытую всеми деревню в низине в прекраснейшее место на земле.

Мы стояли напротив рыночной площади, празднично украшенной разноцветными фонарями и смеющимися лицами, и не двигались с места – но при этом все же танцевали.

Он улыбался мне – искренней улыбкой, от которой у меня покалывало в животе, и дело было не только в том, какой красивой эта улыбка казалась. Она была теплой, словно весна уже привела за руку лето, а мои заботы, которые только что так громко и требовательно напоминали о себе, сменил уютный покой. Она была приглашением, эта улыбка – приглашением на мгновение о них забыть. И я с благодарностью принимала его. Его взгляд скользил по танцевальной площадке, будто синхронно с моим. Наши взгляды двигались слитно, переплетаясь друг с другом, в ритме музыки, кружась и меняя направления. Мы не смотрели друг на друга, и все же не видели никого больше. Мне казалось, будто мы наблюдаем за одной и той же невидимой парой, которая от души празднует начало весны, и у меня возникало ощущение, что я выхожу за пределы времени и смотрю на саму себя. На саму себя в будущем, быть может, через несколько часов.

Но на самом деле через несколько часов он исчезнет и начнется дождь.

Праздник начала весны грозил закончиться разочарованием. Фонари мигали и чадили от дождя, ноги танцоров разбрызгивали воду из луж, края юбок набухали влагой, из-за чего плахта, несмотря на яркие цвета, казались тяжелыми и печальными. Я дважды станцевала одна, заставляя себя улыбаться, потому что не хотела, чтобы мое настроение зависело от дождя, который иногда случается весной, или от молодого человека, которого я вообще не знала.

Когда Теобо Хеннигс, сын аптекаря, предложил мне напиток и в обмен на это пригласил на танец, как это было принято, я порадовалась этому жесту. Деревенские парни довольно долго поглядывали на меня с недоверием, но постепенно – с того момента, как мы с матерью перебрались сюда, прошло уже два года – они начали принимать меня.

– Может быть, она потанцует с тобой позже, – произнес спокойный, уверенный голос у меня за спиной, как раз когда я кивнула Теобо и взяла у него стакан. – Но, конечно, только если я сейчас поведу себя как идиот.

Я не двинулась с места, но мой рот изогнулся в какой-то новой улыбке, не такой, как раньше. Можно ли узнать кого-то по голосу, если раньше ни разу его не слышал? До этого момента я бы поспорила. Теперь я точно знала.

Он все-таки не ушел.

Теобо с улыбкой наклонил голову. Его пренебрежительное отношение к этой провокации показывало, что он не привык к настоящей конкуренции. Среди простых, часто нищих людей здесь, в долине, его семья была самой состоятельной. Любой другой, кроме Теобо, уже воспользовался бы возможностью как следует подраться.

– Ты в любом случае ведешь себя как идиот, – ответил он моему незнакомцу. – Ты не здешний.

– Уж конечно, не здешний.

– Тогда я тебе объясню, как тут все устроено. Принеси Лэйре напиток, предложи его ей, и, если она его примет, можешь с ней потанцевать. Но не выделывайся и не удивляйся, если она тебя отвергнет. Потому что я-то не собираюсь вести себя как идиот.

Конечно, он не рассказал ему, что выбор напитка – символа желаний, которые мы загадываем с наступлением лета – имел решающее значение, и, ошибившись, было ужасно легко выставить себя на посмеище. Но на его месте и я бы не стала этого делать. Я бы уговорила этого таинственного незнакомца подождать, чтобы не быть невежливой по отношению к Теобо, но его дальнейшее поведение оказалось для меня неожиданностью. Незнакомец забрал бокал у меня из рук, опустошил его одним глотком и вернул Теобо. Из-за такого уж точно началась бы потасовка, если бы Теобо не обладал необычной для семнадцатилетнего парня рассудительностью. Он смерил чужака взглядом и ограничился тем, что съел свободную руку в кулак и прорычал:

– Что ты о себе воображаешь?

По сути, это был справедливый вопрос, за которым следовал еще один: как я могла с этим согласиться?

Но самое позднее в следующее мгновение, когда я повернулась к незнакомцу, наши взгляды встретились и продолжили танец, словно и не прекращали его, и я, тоскующая шестнадцатилетняя девушка, потерялась в этом желании, и все договоренности и правила, которым я так тщательно следовала, развеялись по ветру – туда им и дорога. Взяв чужака за руку, я позволила ему подтянуть меня к себе и даже сделала еще шаг ближе. Казалось, будто магия тонкой пленкой окружала его тело. Она растекалась по моей коже, расходилась по сосудам, пронизывала мое тело потоком энергии, а затем превращалась в животе словно во что-то тяжелое и легкое одновременно. Она шептала об опасности.

– Я прождала уже достаточно долго, – сказала я, обращаясь скорее к чужаку, чем к Теобо. – Где ты был?

Он ответил лишь:

– Прости, Лэйра, – и его легкий акцент, благодаря которому мое имя словно становилось теплым и светящимся, прозвучал как обещание, что и в моей жизни есть нечто большее, чем та низина, в которую я изгнана. Что отсюда есть выход – из этой тюрьмы без стен.

– А на самом деле ты танцевать-то умеешь? – тихо поддразнила я его, пока он проталкивался вместе со мной в толпу.

– Разве человек может танцевать неправильно, если только его не заставляют? – спросил он в ответ.

Дождь с шумом обрушивался на нас, мое платье прилипло к телу, а на лице незнакомца капли прочерчивали блестящие следы. Его глаза были синими, как дождевые облака, а волосы – как ночное небо над нами: сейчас они казались черными, но я догадывалась, что при свете дня они будут выглядеть иначе. Он уверенно вел меня, зная каждое движение танца, словно, как и я, выучил его при дворе, и, в отличие от деревенских жителей, не пропускал сложных движений. Впрочем, он избегал танцевальных фигур, при которых ему пришлось бы меня отпустить, выбрав другого партнера, и совершенно не переживал о том, что мы сбиваем с толку остальных.

– Тебе нравится хаос, – предположила я, пока мы продолжали танцевать, а остальные пары пытались хоть как-то упорядоченно выстроиться вокруг нас.

– Вовсе нет. Только порядок, который не был навязан насильно.

– А сбить тут с толку всех, и в первую очередь меня, – это навязанный порядок или тот, что выбираешь сам?

– Это вообще не относится к категории порядка – это нечто другое.

Я ощутила, как глубоко забилося сердце. Я не знала его, но мысль о том, что я с ним познакомилась, казалась мне восхитительной.

– И что?

Он рассмеялся. Сколько лет ему может быть? В самые радостные моменты мне казалось, что он не сильно старше меня.

– В этой низине множество честных людей. Мне здесь нравится. Возможно, я здесь задержусь.

Его слова успокоили меня. Дело было не только в том, что за его улыбкой просматривалось желание, но и в том, как он воспринимал эту деревню. Я отвергала это место, как бы ни старалась скрыть это от других – прежде всего от матери. Самая глубокая низина в этой долине – мне это место казалось дырой, в которую отец бросил нас, чтобы большие никогда не видеть.

А для этого чужака место моего изгнания могло оказаться домом? Я бы многое отдала, чтобы посмотреть на деревню его глазами, увидеть ее в другом свете.

– Должно быть, ты жил в пещере, если тебе здесь нравится, – возразила я, и его улыбка украсила этот момент, словно музыка.

– Может, и так. Но предположим, что завтра я вернусь на рынок. Я увижу тебя там снова?

– Нет, – не задумываясь, ответила я, хотя мне и хотелось сказать что-то другое. – Завтра меня ждет работа. Но это маленькая деревня, и, если ты не исчезнешь, рано или поздно мы столкнемся снова.

– Испытать судьбу? – спросил он с наигранной встревоженностью. – Я любитель приключений, но у моей смелости есть границы. А терпение – не моя сильная сторона.

– Тебе придется пойти на риск и кое-чему научиться. Если для тебя это и правда важно.

В этот момент раздались взволнованные крики, которые тут же превратились в возгласы восхищения. Мой незнакомец удивленно осмотрелся по сторонам, я показала наверх, взволнованно сжав его руку. Полоска серебристого света, толщиной с шелковую нить, сверкнула в ночном небе, словно след пера, которое обмакнули в блестящие чернила.

– Каждый год в праздник весны мы надеемся на этот знак, – воскликнула я, перекрикивая радостные крики старших. Младшие лишь потрясенно смотрели вверх. Как и я, они ни разу не видели это явление: оно не показывалось уже два десятилетия.

– Это хорошее знамение? – спросил мой незнакомец.

Я кивнула, переводя взгляд с неба на его лицо, на котором отразилось неприкрытое удивление.

– Более того! Оно обещает счастье и исполняет добрые желания! Что было в стакане, из которого ты отпил перед танцем?

– Только вода, – тихо ответил он, и я расслышала его лишь потому, что подошла слишком близко – мое плечо коснулось его груди.

– Только вода? – Я рассмеялась. – Вода означает ясность. Каждое слово, которое ты скажешь в эту ночь, каждое слово, которое скажут тебе, станет истинным.

– Тогда я могу лишь надеяться, что судьба разозлится, потому что вода предназначалась не мне, а тебе.

Я обхватила рукой его за шею и мягко притянула к себе. Мы ненадолго застыли, потом я наклонила голову и прошептала ему на ухо:

– До тех пор, пока тебя не беспокоит, что твое сердце навечно соединено заветной связью с сердцем Теобо...

– Могло случиться и что-нибудь похуже, – весело прошептал он.

Он улыбнулся, будто одержав какую-то важную победу, и этим завоевал больше моей симпатии, чем кому-либо раньше удавалось за такой короткий промежуток времени. Понял ли он вообще, что это высказывание насчет сердца – просто шутка?

– Посмотри сюда! – сказала я, потому что теперь тонкая серебряная нить пересекала черное небо во всю ширь. В следующую секунду тучи расступились, словно разрезанные острым ножом, и нам открылся колеблющийся свет, который двигался, переливался, превращался в ленты разных цветов, переплетающиеся друг с другом. Розовый и оранжевый сплетались в соединенные спирали и увенчивали вершину горы. Синий и красный встречались, словно волны, превращались в фиолетовый и разделялись снова, чтобы в следующий момент снова переплестись. Зеленая лента раскинулась в поднебесье, желтый вспыхивал в сотне мест, рассыпавшись крошечными жемчужинами, которые смешивались с дождем. Мое сердце переполняло счастье от того, что мне удалось увидеть своими глазами это уникальное явление, которое многие люди знали лишь по картинам и книгам. Капли дождя покалывали кожу, и, посмотрев на свою руку, я увидела вокруг нее тончайшее золотистое сияние, словно след желтого света. И, хотя был уже поздний вечер, почти ночь, внезапно стало светло.

– Я видел многое в этом мире, – задумчиво сказал мой незнакомец, – но ничего настолько прекрасного.

Посмотрев на него, я заметила, что он неотрывно смотрит на меня, и внезапно девиз, который я избрала для себя, стоя в торжественном зале перед отцом, обрел чудесный, живой, по-хорошему безумный, пронизанный золотым дождем, чистой водой и непредвиденным счастьем смысл. Как и все дети немийских князей, я должна была выбрать себе девиз: формулу, которая будет сопровождать меня всю жизнь и на которую я буду равняться. Я долго раздумывала об этом и в конце концов выбрала слова, которые обозначали все, что было для меня важным: мое образование, безопасность моей матери, немного удачи и не в последнюю очередь справедливость и мир в Немии. Мои мечты.

Я требую от себя исполнить свою мечту.

Я посмотрела на своего незнакомца, и в этот момент все произошло очень быстро, потому что я запретила себе раздумывать. Этот момент был волшебным, и я ощутила одну и ту же магию в себе и в нем, и поэтому мое недоверие и другие настороженные чувства смолкли. Потому что я этого от них потребовала.

Я требую от себя исполнить свою мечту.

Я резким движением притянула незнакомца к себе, и мы поцеловались. Счастье обрушилось на нас дождем с раскрашенного во все цвета неба, и все слова, произнесенные до утра, становились истинными.

*Я забыла, что эта мечта давно уже мне не принадлежит.
И все же я никогда не предполагала, что именно он разобьет ее на части.*

– Лэйра? – тихо прошептала Вика, шедшая рядом со мной. – С тобой все в порядке?

– Извини, ты что-то сказала? Я задумалась. – Точнее, погрузилась в воспоминания, которые себе запрещала.

– Я спросила тебя, не хочешь ли ты о нем рассказать.

Я снова виновато улыбнулась ей, словно показывая, что мне еще нужно время. Но из-за того, что я не могла сказать ей правду, груз на моей совести становился все тяжелее, а мое желание расплакаться – все сильнее.

– С тех пор как мы встретили этого парня, я переживаю, что он сделал тебе больно, – призналась Вика. При дворе думают, что деревенские жители – примитивные и грубые. Я всегда считала это мерзкими предрассудками.

Я устало улыбнулась.

– Он сделал мне больно, очень больно. Но не так, как ты думаешь. Он... – Голос сорвался, и мне не удалось произнести это вслух.

– Ради света Исты! – вспыхнула Вика. – Это тот парень, про которого ты всегда рассказывала, или нет? Твой бывший друг, с которым ты познакомилась на весеннем празднике? Конечно, это он, ты же мне его описывала: бледная кожа, синие глаза, черные волосы, которые при свете дня отливают красным. Как я только раньше не догадалась!

Я украдкой провела по глазам тыльной стороной ладони. Вики тем летом не было в деревне, а Аларик никогда не водил меня наверх, в замок. Только позже я поняла почему.

– Это он, и он был моим другом.

По крайней мере, я так считала. Целое лето я была так счастлива. После всех этих несчастий, тяжелой работы, попыток построить новую жизнь за пределами замка, вести домашнее хозяйство и заботиться о нашем выживании изо дня в день, с Алариком мне снова становилось легко. Я опять начала надеяться, что смогу не отказываться от своей мечты, какими бы неподвластными ни были обстоятельства.

– Но, пожалуйста, давай сейчас не будем ворошить прошлое. Вот что важно: именно он выдал меня, он сделал меня никем.

Высоко взлетев, я ударилась о землю сильно и долгое время после этого даже не представляла, что снова смогу встать. Прошло три года, и я до сих пор не рассказала Вике подробностей. Мне было слишком стыдно, и я боялась ее сострадания. В конце концов, я же смогла встать на ноги. И все же сегодня достаточно было его увидеть, чтобы снова почувствовать себя такой же потерянной и униженной, как тогда.

Вот в чем дело: он точно знает, что у меня нет выхода.

Он сам об этом позаботился.

– И теперь он появился и захотел заключить со мной сделку? – Я резким движением провела по волосам. – Он знает, что у меня ничего нет.

Вика шумно выдохнула.

– Мы совершили ошибку, Лэйра. Нам нужно вернуться.

Я застонала.

– Хоть ты не наноси мне теперь удар в спину! Я не стану с ним торговаться.

– Торговаться и я не хочу.

– А что тогда?

– Я вернусь и так крепко пну этого урода за его мерзкое поведение по мягкому месту, что целитель, к которому он потащится в слезах после этого, точно примет его за девицу.

Глава 9

Лэйра

Каменные ступени, незаметно уходявшие в сторону от тропы, повели нас между скал. Некоторые из них поросли лозой, другие выглядели так, будто плоские камни просто по случайности приняли форму ненадежной лестницы. Солнце зашло за Волариан, подсветив небо красным цветом, напоминавшим крепкое вино. Скоро должно было стемнеть, но мы уже почти добрались до Разрушенного моста; я спешила быстрее шагать вверх по склону, так что у меня не хватало дыхания, чтобы говорить.

Наконец мост раскинулся перед нами. Его начало можно было принять за круглый вход в пещеру или за нору огромного животного.

Вика мрачно посмотрела на меня.

– Но это же не мост.

Она с легкостью забралась на скалу, чтобы получше осмотреться, а затем шумно выдохнула. Я точно знала, что она видит, я сама обнаружила это лишь полгода назад, незадолго до зимы.

Увидев Разрушенный мост однажды, его не забудешь никогда. Он состоял из массивного полого древесного ствола, который когда-то – возможно, тысячи лет назад – рухнул на скалы и с тех пор окаменел. Землетрясения сбросили на его основание валуны и камни, так что получился холм, и потому конец ствола и стал похож на вход в пещеру. Но за холмом он уходил в глубину. Пустой ствол вел через ущелье, и никто не знал, насколько оно глубоко и что находится внизу. Но Вика, побледнев, спустилась вниз не из-за этого: она поняла, что уже давно конец моста не достает до горы на другой стороне. Он был разломан в середине и острым зубцом обрывался в ничто.

– Здесь мы не перейдем, – безнадежно произнесла Вика. – Мост больше никуда не ведет.

– А нам разве не туда надо? – спросил Йеро. – В ничто?

Я вступила в тень, которую отбрасывал ствол, сняла перчатки и провела кончиками пальцев по окаменевшему дереву. Обычно магия была быстрой и подвижной; клопоча, она протекла по моей коже, покалывая ее. Магия Разрушенного моста была другой. Она лишь слегка согревала меня, как будто лишь мерещилась. Она была едва различима на слух; такой звук, будто кто-то вечность назад ударил в огромный колокол, а я до сих пор слышу эхо. Как будто я ощущала скорее воспоминание о магии.

– Наш путь лежит именно туда, – прошептала я.

– Тогда скажи это мосту, – буркнул Йеро. – Тут начинается пограничная территория, и для большинства путь здесь и оканчивается, не начавшись. Но не для тебя, Лэйра, потому что ты Искательница и для тебя открыты границы, которые охраняет Повелитель дэмов. Мост – его первый страж. Скажи ему, что ты Искательница, и он пропустит тебя.

– Это я, – прошептала я, обращаясь к сути моста. – Я Искательница, и я найду Десмонда эс-Йафанна. Пожалуйста, пропусти меня и моих друзей.

Ничего не произошло. Но Йеро довольно кивнул.

– Теперь идем.

– Ты это уже пробовала, Лэйра? – Вика встала рядом со мной и осторожно ступила одной ногой внутрь ствола, словно он в любой момент мог обрушиться. Меня успокаивало, что она не слепо доверяет мне, а сохраняет скептический подход.

– Еще нет, – ответила я.

– А если ты ошибаешься? Тогда мы рухнем вниз, в глубину, шагов на сто пятьдесят?

Йеро спокойно пожал плечами:

– Как хорошо, что матери одарили нас глазами. – С этими словами он провел Лассу мимо нас и вступил в туннель. Я надеялась, что он не станет уже, – над головой лошади места и так было немного, так что ей пришлось пригнуться.

Вика взяла меня за руку, и я в ответ сжала пальцы, благодаря подругу за то, что она делится со мной своей смелостью. Мы зашагали следом за Йеро. Вика вслух считала шаги, и я заметила, что с каждым шагом становится темнее. Из древнего дерева донесся рев. Поверхность у нас под ногами слегка закачалась.

– Подождите. У меня есть свет.

Я похлопала Лассу по бокам в поисках сумок, которые мы приторочили к ее седлу. В невозмутимости этой внушительной лошади было что-то успокаивающее.

Держа в руках сосуд с флюоресцирующей речной ветреницей, я застыла. Обычно цветы были яркими, как тысяча свечей. Но сейчас они лишь слабо светились, словно угасая с каждой секундой. Возможно, их магия не работала внутри моста? Не знаю, что огорчило меня сильнее: страх, что мне нечем разогнать тьму, или вина за то, что прекрасная ветреница погибла. Мама нашла ее еще в детстве, и с тех пор цветок помогал нам всегда, когда нам нужен был свет.

– Нужно идти дальше, – прошептала Вика.

Ветер и рев становились все сильнее. Один раз мост качнулся так сильно, что мы с трудом сохранили равновесие, хватаясь за стены. К этому моменту мы уже брели на ощупь, в абсолютной темноте. Ужасно похолодало, и наши шаги стали короче, словно мы шли, преодолевая сопротивление. Йеро и Ласса уходили все дальше вперед, и Йеро не отвечал, когда я его окликала. Может, он меня больше не слышит?

– Не замедляйся! – Голос Вики был едва различим из-за громко свистевшего ветра снаружи тоннеля. Моя ладонь так сильно дрожала в ее руке, что я со страхом подумала: она может меня не удержать.

– Я... больше не могу.

– Давай же, Лэйра. Явно осталось уже недалеко.

Вика обняла меня за плечи, упорно потащила дальше, но мои ноги становились все тяжелее и тяжелее, словно я шла, по пояс увязая в болоте.

Ветер рычал и сотрясал тоннель. Холод пронизывал меня до костей. Мост не хотел пропускать меня дальше; я ощутила, как магия сопротивляется мне.

– Заставляй меня идти дальше! – сквозь зубы выговорила я, обращаясь к Вике. – Тащи меня, если придется.

Она дернула меня вперед. В следующее мгновение руку пронзила обжигающая боль.

– Меня кто-то укусил! – вскрикнула я.

– Все нет. – Вика коснулась меня, а в следующее мгновение острая боль вспыхнула у бедра.

– Успокойся. Ты впадаешь в панику. Здесь ничего нет.

Но Вика врала. Я заметила, как она сжалась, коснувшись узких стен тоннеля, и заметила испуг в ее голосе. Она уже не тянула меня вперед, а остановилась, словно дальше было некуда идти.

Каждый следующий звук заставлял меня сжиматься. Задержав дыхание, я погрузилась в ничто и ощутила его сопротивление. Но это было... невозможно. Мы же пришли с этой стороны! Я провела пальцами по неровным, неподвижным краям, нащупала свод, а затем – неожиданно острые зубцы. Они кипели магией, отделенные от меня словно стеклом. Мне было сложно ощутить это, потому что руки стали холодны как лед, но все же я различила, что именно находится в темноте и преграждает нам путь назад.

– Это статуи, – прошептала я Вике. Я видела такие в храме при дворе замка. Храм был посвящен Лиаскай, но при этом там было множество изображений дэмов. Они были сделаны из вулканического стекла, и у них были жуткие морды.

– Статуи? – спросила она. – Это хорошо. Они нам ничего не сделают.

В этом я не была так уверена. Как статуи дэмов попали на этот мост – почему они заслоняют нам путь назад? Они были... проклятье.

– Они повсюду! Повсюду, Вика! Мы окружены!

– Нет, это невозможно!

Она была права. Она *должна быть* права. Но это не могло быть... Я провела рукой вдоль изогнутой стены. Где-то тоннель должен продолжаться. Но я не могла нащупать ничего, кроме морд дэмов. Оскаленные зубы, разинутые пасти, выпущенные когти.

– Мы оказались в ловушке!

– Нет, – сквозь зубы выговорила Вика. – Соберись. Ты же Искательница, Лэйра. Скажи этому клятому мосту, кто ты, скажи, что он должен нас пропустить.

Я отвела руку от стены. Стены были слишком холодными, слишком магическими, слишком старыми и слишком злыми. Вместо этого я снова взяла Вику за руку и вспомнила о том, как мы в детстве вместе переживали приключения. Я была смелой, когда она была рядом со мной.

– Я Искательница, – произнесла я настолько спокойно, насколько позволяло мое неровное дыхание. – Это наш путь, и мы идем по нему!

В темноте я уже давно потеряла ориентацию. Я могла только догадываться, в каком направлении мы вообще движемся.

– Мы вернем Десмонда.

– Мы вернем Десмонда! – повторила Вика намного решительнее, чем я.

Мы двинулись дальше и, словно чудом, перестали наткаться на стены с рельефными изображениями чудовищных морд. Они будто уступали нам дорогу. Шаг за шагом мост пропускал нас дальше. Глубже, в гул и завывание ветра, глубже в покачивание и скрип. Мне казалось, что холодные статуи дэмов испускают горячее дыхание, а за спиной то и дело слышалось тихое шипение. Но мы шли дальше, держась за руки, а если что-то и говорили вслух, то лишь чтобы еще раз напомнить друг другу: мы вернем Десмонда.

Когда буря вокруг нас достигла наивысшей точки, мы лишь с трудом, шатаясь, пробирались вперед; мост качался, как корабль, который вот-вот потонет, в воздухе пронесся треск, пробравший нас до костей. Сквозь узкие щели в полу прорвался свет, осветив тоннель по всей длине, насколько хватало наших испуганных взглядов.

– Десмонд, – прошептала я. И в следующее мгновение мост провалился у нас под ногами и мы рухнули в пустоту.

Глава 10

Десмонд

Он ожидал цепей.

Но стражники – он предполагал, что под железными шлемами в форме птичьих голов с изогнутыми клювами скрываются люди – просто схватили его, выволокли из камеры и молча показали ему следовать за ними. Люди! Ни в одной легенде из всех, что он слышал об этом царстве, люди не упоминались. Двое шли перед ним, двое по бокам, двое следом. Шесть сильных противников, хотя на первый взгляд невооруженных, но защищенных шлемами, кольчужными перчатками и броней. Вероятно, они знали каждый камень в этой походившей на лабиринт темнице. Десмонд был неплохим борцом и дрался на кулаках даже лучше, чем с оружием. Но босиком, без какого-либо понимания обстановки, пытаться сбежать было бы глупо. Десмонд ограничился лишь тем, что внимательно наблюдал за происходившим. Впрочем, даже запомнить путь оказалось абсолютно невозможно. Тоннели лишь слабо освещались невидимыми источниками света. И все они выглядели одинаково. Неизменно повторявшееся чередование влажных, склизких винтовых лестниц и коридоров с голыми стенами и закрытыми дверями из темного дерева. Наверное, они прошли уже мимо сотни дверей. Его водят кругами или эта крепость размером с гору?

Наконец один из шедших впереди открыл дверь, которая ничем не отличалась от остальных, и без предупреждения Десмонда грубо пихнули вперед. Он еще пытался удержаться на ногах, когда дверь захлопнулась у него за спиной.

Десмонд быстро осмотрелся. Он оказался в зале, походившем скорее на огромный павильон. Стены были вогнутыми, а потолок такой высокий, что его не было видно, – наверное, он оказался в какой-то башне. Вокруг было множество дверей, на расстоянии пары шагов друг от друга, и Десмонд уже не мог понять, из какой он вышел.

– Высокий гость в моих царских покоях.

Десмонд обернулся, и у него перехватило дыхание. Из ниоткуда появился монстр, прямо у него за спиной. Это существо было выше его на голову. Он ожидал чего угодно, но теперь, пошатнувшись, отступил назад. Черные блестящие глаза пристально смотрели на него. Морда монстра походила на волчью, но он стоял прямо, как человек на двух ногах, и на нем была одежда из темной кожи. Волосы доставали почти до пояса, они были длиннее, чем осмеливались носить даже князья. Изогнутые шипы у него на плечах, как и ряд острых зубцов, видневшихся среди волос у него на голове, образуя подобие короны, выглядели пугающе.

– Принцу стоило бы поучиться манерам, – произнесло существо темным, хриплым голосом, в котором слышались нотки скуки. – Не хотите ли вы поприветствовать меня, раз уж явились в мои покои, словно гость, которого пригласили? Или представиться? Думаю, вы знаете, кто я?

Сомнений нет, это был Повелитель дэмов. Десмонд только сомневался, действительно ли он оказался здесь или это просто галлюцинация, горячечный бред.

– Почему я здесь? – он задал единственный вопрос, который имел значение. В следующее мгновение тени метнулись к нему, что-то твердое больно ударило его в висок, и он рухнул на пол. Поспешно подняв голову, чтобы успеть различить следующую атаку, он увидел, как Повелитель дэмов снова складывает на спине свои могучие крылья, так что они становились почти невидимыми, словно превращаясь в тени. Частью крыльев были и огромные шипы у него на плечах. По лицу Десмонда текла теплая кровь. Повелитель дэмов раздул ноздри, будто бы предвкушая многообещающую трапезу.

Десмонд не принимал осознанного решения бежать. Инстинкты победили над здравым смыслом, и он метнулся прочь, резким движением оттолкнувшись от земли и наугад бросившись к одной из дверей. Ему удалось пробежать несколько метров, он почти добрался до двери – но Повелитель монстров внезапно оказался прямо перед ним. Десмонд едва не врезался в него. Ему с огромным трудом удалось удержать равновесие и броситься в другую сторону, но добраться до двери снова не вышло. Повелитель дэмов появился перед ним из ниоткуда, заслонил ему путь и зарычал. Десмонд споткнулся, упал, увидел, что вот-вот врежется в мощное тело монстра, но тот почти небрежным ударом тыльной стороны ладони отшвырнул его на другой конец зала. Удар о землю пробрал его до костей, комната вращалась, хотя Десмонд неподвижно лежал на полу. Его лицо было перепачкано в его собственной крови.

– Хватит, – приказал Повелитель дэмов и, снова расправив крылья, оказался перед Десмондом так близко, что едва не наступил на его пальцы своими тяжелыми сапогами.

Десмонд заставил себя собраться с силами и с усилием поднялся на ноги. Нужно сохранять спокойствие. Собрать информацию. Понять слабые места. Крылья, несмотря на огромный размах, держались на тонких, хотя и прочных костях, которые придавали им форму, а когти, которыми эти кости оканчивались, казались неожиданно уязвимыми. Кожистая поверхность крыла напоминала очень тонкую кожу, вроде той, из которой делают тончайшие перчатки. Сквозь нее слабо просвечивала сетка синеватых и фиолетовых вен. Десмонд ощутил во рту привкус крови и с трудом сглотнул. Ножа, черепка или острого камня хватило бы, чтобы сам Повелитель дэмов истек кровью. Впрочем, ничего похожего на оружие у него не оказалось. И Десмонд был уверен, что он не первый пленник, которому пришла в голову такая мысль. Почему у него должно получиться то, в чем потерпели неудачу все остальные? И все же мысль, что он может придумать план и попытаться бороться, была единственным, что не давало ему в одно мгновение потерять рассудок.

– Хочешь еще поваляться на полу? – равнодушно спросил Повелитель.

– Простите, – откликнулся Десмонд, опускаясь на колени. – Простите, Повелитель.

– Сойдет. – Губы Повелителя дэмов изогнулись в ухмылке. – Добро пожаловать, принц.

– Что вы хотите этим сказать? Я не принц. – Разумно ли называть свое имя? Не навлечет ли он этим опасность на свою семью? Ох, он ненавидел себя за тот хаос, который царил у него в голове. Он изо всех сил пытался мыслить ясно. Но если Повелитель дэмов считает его принцем, он, должно быть, с кем-то его путает.

– Ты Десмонд эс-Йафанна, – произнес Повелитель, этими словами лишив Десмонда и надежд, и достоинства. – Сын верховного министра Немии. Также я знаю, кто ты для немийцев. Но для меня ты – нечто иное, и я называю тебя так, как всегда хотел называть.

Он посмотрел на него сверху вниз, как будто на листок исписанной бумаги, о котором еще не составил мнения: разочарованно, но не опасаясь неудачи.

Не осмеливаясь подняться на ноги, Десмонд оставался на коленях, даже теперь, когда прозвучало его имя, навлекая тем самым позор и бесчестье на свою семью. Но он находился в Царстве дэмов. Здесь он был никем. Не слишком удачный момент, чтобы цепляться за гордость и достоинство.

– Что вам от меня нужно? Я даже не знаю, почему я здесь. Я ничего... – он запнулся, – не знаю, совершил ли я что-то непростительное.

Скрестив руки на груди, Повелитель начал обходить его по кругу. Десмонд слышал тяжелые шаги у себя за спиной и ощутил обнаженной спиной взгляд хищного зверя. Каждую секунду он ожидал, что острые когти на крыльях Повелителя вонзятся в его плоть или зубы монстра сомкнутся на его затылке. Заслужил ли он это?

– Я совершил что-то непростительное, Повелитель?

– Это я еще выясню. Тебя допросят.

– Но я ничего не знаю.

– Идиот, – прошипел монстр ему в ухо и тут же отодвинулся. – Как ты можешь утверждать, что ничего не знаешь, если ты даже не догадываешься, какие вопросы я буду задавать?

– Милорд? – Десмонд задрожал одновременно от страха, отвращения и гнева. Он был способен говорить лишь сквозь крепко стиснутые зубы. – Я ничего не помню о той ночи. Я даже не знаю, кто произнес проклятье.

– Разве тогда проклятье можно будет отменить? – По насмешливому тону Повелителя Десмонд понял, что это провокационный вопрос.

– Известные мне легенды расходятся на этот счет.

– Не спорь. Ответ – «нет», и ты это знаешь. Почему меня вообще должно интересовать, кто произнес проклятье? Оно *было* произнесено.

– Если бы я знал, что это было, милорд, я бы мог понять, почему его произнесли.

– Это меня не интересует.

В горле Десмонда застряло ругательство, и ему показалось, что он задохнется, если не произнесет его. Но ему не следовало без причины раздражать Повелителя монстров. Это чудовище было способно разорвать его на части голыми руками.

– Настало время вопросов, мой принц. Станешь ли ты на них отвечать?

Еще один провокационный вопрос. Как он может сказать «да», если даже не знает...

Монстр пнул Десмонда в спину, прямо между лопатками, и он растянулся на полу. Какое-то мгновение Десмонд даже не ощущал холода камней. Потом чувства вернулись, а с ними и боль. Ему показалось, будто монстр обеими ногами взгромоздился ему на хребет.

На самом деле он снова шагнул вокруг Десмонда.

– Я тебе помогу. Вот как нужно отвечать: «Да, мой Повелитель».

Десмонд с усилием приподнял голову от каменного пола.

– Да. Мой Повелитель.

– Восхитительно, – снисходительно похвалил тот. – Конечно, это было не очень сложно. Начнем с чего-нибудь столь же простого. Честный ответ, и ты уже сегодня сможешь наслаждаться некоторыми привилегиями. Тебе не место в темнице, не так ли? Не задумывайся, мой принц. Назови первые три имени, которые придут тебе в голову, – и не забывай: легенды правдивы, все они правдивы. Я почую, если ты будешь врать. Понял, чего я хочу?

– Да, мой Повелитель.

– Тогда скажи мне, кого ты больше всего любишь.

В ту же секунду Десмонду стало ясно, что он проиграл. Он никогда не выдаст Повелителю дэмов имена тех, кого любит. Даже мысль о них теперь превратится в предательство, и все же он не смог прогнать воспоминания о прошлой зиме, которые невольно возникли в его воображении.

– Твой конь вспотел. – Лэйра потеряла шею вороного. Под длинной гривой, в которую вмерзли кристаллики льда, шерсть пошла волнами от влаги. – Нельзя скакать так быстро в такой холод.

Выпрыгнув из седла, Десмонд обнял ее.

– Каждый раз, когда мы видимся, ты становишься еще умнее, Лэйра. Что с тобой тут происходит? Взрослеешь, что ли?

Она стряхнула снег с рукавов, так что он полетел ему в лицо.

– Нет, изо всех сил стараюсь не взрослеть. Но кто-то же должен вбивать разум тебе в голову, если твоя мать уже отчаялась это сделать, а твой папа думает только о политике. Он может переписываться с правителями всех стран на всех языках мира, но не сумеет сделать бутерброд с топленым салом.

– Думаю, он все-таки справится, если служанка отрежет ему кусок хлеба и откроет бочонок с салом!

Они оба рассмеялись так громко, что жители деревни, идущие на рынок или с рынка, стали насмешиво оборачиваться в их сторону. Сначала его визиты к Лэйре раздражали жителей низины или даже пугали их. Постепенно они привыкли к его виду и время от времени даже осмеливались попросить, чтобы Десмонд передал отцу весь о том, что налоги слишком высоки или работы слишком много.

«Мой папа – верховный министр и занимается внешней политикой, – обычно отвечал он и, поскольку многие не понимали, что это значит, добавлял: – Он занимается тем, чтобы нам поставляли товары, чтобы наши товары покупали и чтобы не случилось войны».

Тогда люди начинали яростно кивать: «Чтобы не было войны, это самое важное! Важнее всего! Войны нам тут не нужно».

И, удовлетворившись этим ответом, они желали ему всего хорошего.

– Я же просто ехал быстро, – произнес Десмонд в свое оправдание, – потому что нельзя заставлять ждать прекрасную женщину. Особенно в такой собачий холод.

Он не мог не отметить, что она прекрасна в своей зимней куртке. Снег скопился на меховой оторочке капюшона, и от холода у Лэйры покраснели щеки. И все же, если присмотреться пристальнее, сквозь красоту проступали признаки нужды. Из-за того, что Лэйре приходилось много работать и при этом недоедать, ее кожа стала бледной, а лицо исхудало. Из-под длинной юбки виднелись носки сапожек. Кожа была изношена, и там, где Лэйре пришлось ее залатать, она явно пропускала воду. Десмонду было больно видеть девушку такой, но попытка помочь ей деньгами всегда лишь ущемляла ее гордость. Лэйра соглашалась принять только лекарство для матери и то, отчего его седельные сумки были так тяжелы. Вот и сейчас она незаметно, но очень нетерпеливо поглядывала в их сторону.

– Старый библиотекарь постепенно начинает что-то подозревать. – Десмонд растянул первую сумку. – Постоянно спрашивает меня, с какой стати такой тупица, как я, интересуется такими сложными книгами.

Лэйра с деланным возмущением скорчила гримасу:

– Но ты вовсе не тупица.

– Нет, конечно, нет, но такому книжному червю, как он, вполне может так показаться. Вчера он почти что раскрыл меня. Он предположил, что я просто хочу разложить эти книги в своих покоях, чтобы впечатлять девушек.

Он вытащил из седельных сумок толстые тома и протянул их Лэйре, которая радостно просмотрела названия. Когда он приносил ей книгу, которую она уже знала, на ее лице всегда на мгновение мелькало разочарование, но она никогда не показывала его, а он не говорил, что видит ее насквозь уже несколько месяцев.

– Спасибо, Десмонд, огромное, огромное тебе спасибо. Ты не понимаешь, что это для меня значит.

Она протянула ему сумку с неизменным письмом к Вике и книгами, которые он должен был вернуть в университетскую библиотеку.

– Все как новые. Ни пятнышка влаги, никаких загнутых уголков.

Десмонд схватился за голову.

– Проклятье, Лэйра, тогда старик догадается, что я эти кирпичи вообще не читаю.

Лэйра рассмеялась так громко, что в уголках ее глаз появились слезы, похожие на крошечные жемчужинки.

– Поблагодари и его, благодетеля, только не от моего имени, а то он сразу вышвырнет тебя из своего святилища. Принес что-нибудь еще? Какие новости при дворе?

– Разумеется. Леди Анистер теперь предпочитает платья цвета спелой сливы. Понятия не имеют почему: в них она выглядит болезненно.

– Возможно, она ищет сострадания. Но ты же знаешь, что платья дам меня не интересуют. Разве что ты решишь на какой-то из них жениться.

– Ни за что! Я просто хотел тебя позлить. Новости, конечно, есть.

И они ему не нравились, эти новости. Они отнимали у него чувство легкости.

– Похоже, напряженность между Эирианом и Кеппохом продолжает усиливаться. Скоро речь может пойти об открытой войне.

Лэйра тут же посерьезнела. Они с малых лет жили с мыслью об угрозе, о войне, стоящей у дверей, но видели лишь изголодавшихся и перепуганных до смерти беженцев.

Он торопливо продолжил:

– Но это вряд ли перекинется к нам через горы. Твой отец точно об этом позаботится.

– Разумеется, – ответила Лэйра неожиданно равнодушно. – Железные шахты в горах и кузницы – все они принадлежат дому эс-Ретнея. Если будет война, он обогатится, а все люди, которые станут искать убежища в Немии, ради безопасности своих семей готовы работать до полусмерти. Догадаешься, где именно?

В шахтах и кузницах и на перевозке товаров, где же еще. Никто не понимал этого лучше Десмонда, и никого из обитателей замка это не возмущало. Необходимость полностью изменить политику Немии назревала уже давно. Но для этого нужна была власть, которой Десмонд не обладал. Пока еще не обладал. И если он хотел ее получить, ему нельзя было допускать даже мельчайшей ошибки.

Последовать за своим сердцем, действовать открыто, проявить себя таким, каким он был в глубине души, – это и стало бы той ошибкой. Десмонд рано научился скрывать эту часть себя.

Никто не замечал разницы. Иногда, в те короткие мгновения, когда он был собой, он сам казался себе чужаком. Только Лэйра еще помнила истинный облик Десмонда, не скрытый маской. Не зная, что движет им, она всегда напоминала ему, что нельзя забывать себя и нужно продолжать мечтать о том, что однажды наступит время и ему больше не нужно будет прятаться.

«Одно это, – подумал он, заставляя себя беззаботно улыбнуться, – уже достаточная причина ее любить».

Но у Десмонда был еще десяток таких причин.

Он наблюдал за тем, как она отдается своим мыслям. Она выглядела слегка отрешенной и так глубоко погруженной в размышления, что вздрогнула, услышав его речь. Когда она задумывалась, ее глаза всегда слегка косили, а усыпанные веснушками щеки краснели. Та дурацкая и сумасбродная идея, которую Десмонд придумал однажды, перебрав небесной травой, внезапно начинала казаться ему уже не такой смешной. У них обоих было общее прошлое. Что могло быть очевиднее, чем разделить и будущее? Лучшей жены, чем Лэйра, ему не найти. Зачем же ему тратить годы на поиски той, кого не существует?

– Повелитель, – произнес Десмонд, и его голос прозвучал безвольно и слабо; каждое слово требовало усилий, – что угрожает мне, если я не назову вам имена тех, кого люблю?

Повелитель дэмов щелкнул языком и скорчил гримасу, неубедительно изображая сострадание.

– Ты их забыл? Я был слишком груб с тобой, мой маленький принц?

Он покачал головой.

– Если я назову вам имена, это будет предательством. Тех, кого любят, не предают. Поэтому я буду молчать. А может, я просто никого не люблю.

Глава 11

Лэйра

– Мы умерли? – спросила Вика.

Я смахнула с глаз каменную пыль и крошку.

– Не похоже.

– Тогда мы там? В Царстве дэмов?

– Это, дамы, – произнес глубокий голос, и Йеро склонился над нами, ставя на ноги сначала Вику, а потом, смелым рывком, и меня, – был всего лишь указатель направления в сторону Царства дэмов. Разве вы не заметили? – Его лошадь стояла прямо рядом с ним, расслабленно полуприкрыв веки; как ему удалось завести Лассу на мост и почему она так спокойна?

– Ну уж извините, – возмутилась Вика. Она немного побледнела, и только теперь к ней медленно возвращался цвет кожи. – Мы тут чуть не померли.

– Вряд ли, – пробормотал паладин. – Этот мост играет с иллюзиями. Вы просто потеряли самообладание. От этого редко умирают.

Хотелось бы мне смотреть на происходившее столь же прагматично. Но, судя по всему, он действительно прав, потому что рядом со мной лежал стеклянный фонарь, в котором снова светилась речная ветреница, словно ничего и не было. Большая удача, что цветок не погиб, ведь под открытым небом медленно темнело. Бесцветное, налитое свинцом небо нависало над нами, так что мы едва различали поросшие мхом скалы, потрескавшиеся камни и кое-где – полувзасохшие растения. Пыль висела в воздухе, так что было трудно дышать. К собственному удивлению, в нескольких шагах от нас я различила вход в пещеру, который выглядел так же, как вход на мост на другой стороне. Мост не сломался у нас под ногами, и не было никакой бури – ни ветерка. Все это лишь иллюзия? По моим перчаткам все же было видно, что что-то произошло на самом деле, – на коже, из которой они были сделаны, виднелись царапины, а в одном месте она даже оказалась прорезана. На руке в этом месте обнаружилась небольшая ссадина.

Я беспомощно осмотрелась.

– Если это еще не Царство дэмов, куда нам теперь идти?

Йеро молча шагнул вперед, осмотрел ближайшие окрестности, отпихивая в сторону камни, чтобы посмотреть, что под ними, заглядывая за колючие кусты.

– Первое, чему учат паладинов, – пояснил он, – внимательно наблюдать за всем. С разных точек зрения, со всех сторон.

Вика тут же вознамерилась помочь ему и тоже принялась осматривать окрестности. Пока он рассматривал землю, она, насколько это было возможно в сумерках, вглядывалась в даль, где еще можно было в общих чертах различить горы и долины.

– Что именно мы ищем?

– Символ для Искателей. – Голос Йеро звучал неожиданно мрачно. – Это может быть что угодно или ничего. Пишут, что он каждый раз меняется. Возможно, мы и правда уже опоздали.

Пронесшийся в воздухе тихий свист отвлек меня от моей задачи. Я выпрямилась и наклонила голову, прислушиваясь. Ничего. Так что я решила не обращать внимания на пробежавшие по затылку мурашки, которые вызывал у меня этот звук, и принялась искать дальше.

Вика уперла руки в бока.

– Может, в словах этого урода была доля правды? Кто-то обогнал нас и теперь нам остается только ждать?

– Мы говорим о Царстве дэмов, – сухо сказал Йеро. – Все возможно. – Потом он посмотрел на меня так серьезно, что мне стало неудобно. – Ты знаешь этого парня, который хочет продать нам время. Он и правда на такое способен?

Я неуверенно приподняла плечи. Я бы с радостью предпочла и дальше искать этот знак. Наверняка он где-то здесь, может, он высечен на каком-то камне. Но все это было без толку: если я хочу достичь своей цели, мне так или иначе не избежать мыслей об Аларике Колэ.

– Еще давно я видела у него этот медальон, который мы заметили у него в руке. Я чувствовала в нем магию. Тогда я приняла его за *церцерис*, артефакт магов из какого-то клана.

А его – за одного из таких магов, сбежавшего от Истинной королевы, которая хочет завладеть всей магией кланов. Я даже мечтала о том, что защищу его, сберегу в нашей забытой миром низине...

Прочь эти мысли! Чем дальше, тем лучше!

– Но на самом деле я раньше никогда не видела церцерис.

– Это может быть рассекаатель времени, – сказал Йеро. – Многие считают, что подобные артефакты позволяют обойти время, но это не так. Он рассекает время, словно острым клинком, позволяя человеку пройти сквозь него.

Я покачала головой.

– Еще не доказано, что мы опоздали. Аларик уже однажды заключил сделку с князем у меня за спиной. Он сделает это снова, нельзя ему доверять – что бы он ни предлагал.

Йеро остановился рядом с чем-то темным на земле. Мне пришлось подойти ближе, чтобы в сумерках разглядеть, что он нашел. Это были остатки костра, присыпанные песком, и дрова уже остыли.

– Они были здесь, Лэйра. Несколько часов назад.

– Ради всех ветров, – прошептала Вика.

Я слотнула.

– Мы нагоним их. Мы как-то сможем...

– Я так не думаю. – Голос Вики звучал непривычно неуверенно. И тут я ощутила это. Теплый ветер мягко погладил мою кожу.

– Вы тоже ее слышите? – мрачно спросил Йеро. – Это ласса. Нам нужно идти дальше.

Снова послышался свист, теперь он перерастал в рев, и я, наконец, поняла. Пришел южный ветер. Здесь, так высоко наверху, незащищенными попасть в лассу – это смертный приговор. Она затуманивала рассудок, показывала тропу там, где была пропасть, а сильных духом сбрасывала в пропасть своими мощными порывами.

У нас не оставалось другого выбора – только повернуться назад и искать укрытие.

Я помедлила, прежде чем вступать на Разрушенный мост, – я бы предпочла никогда не входить на него снова. И все же, хотя внутри царила абсолютная тьма и я была уверена, что слышу внутри рычание какого-то опасного создания, на этот раз нам удалось без проблем перебраться на другую сторону, а там теплые порывы ветра ударили нам в лицо.

– Ласса! – в ужасе крикнула я и схватила Вику за руку. – Она уже здесь! Бежим!

Мы побежали, ведомые лишь моим маленьким цветочным фонарем. Ласса хлестала по нам, я бежала вслепую, потому что закрывала лицо треплющимся на ветру рукавом плаща. Мы не раз заскользили на узких каменных тропках, а один раз я споткнулась, так что мне пришлось в падении развернуться и принять удар спиной, чтобы не разбить свой фонарь. Йеро потащил меня вверх, Ласса тянула в другом направлении, и я зашагала дальше, застонав от боли в мышцах.

Внезапно рядом с лошадью Йеро возникла массивная тень. Над ним угрожающе нависли длинные, изогнутые очертания, напоминающие клинок.

– Саблерог! – выкрикнула я, хватаясь за кинжал. Руку словно парализовало. Тупая боль будто не давала пошевелить предплечьем. Я попыталась высвободиться, обернулась и внезапно

увидела замотанные тряпками лица. Воздух заполнили крики; возгласы на незнакомых мне языках. Эти люди крепко держали меня, они схватили меня за руки и с такой силой вырвали у меня кинжал, что я испугалась, как бы они не сломали мне пальцы. Всем своим весом я бросилась на нападавшего, ударила его головой и попыталась укусить, попыталась как-то высвободиться, попыталась не попасться в лапы врагов.

Последнее, что я помню, – мощный удар в лицо. Бездна окутала меня глубокой чернотой, поглощая все, чего я боялась.

Глава 12

Аларик

– Подлей еще.

Аларик сунул свой стакан трактирщику – худощавому высокому мужчине с засаленными волосами.

Тот бросил на него короткий взгляд и продолжил, перегнувшись через стойку, играть в «элементы» с тремя другими гостями. Ему выпала неудачная карта – Аларик видел отражение в стакане с виски, – но тот, кто вынимал из потайного кармашка как раз те камни элементов, которые были сейчас нужны, едва ли мог проиграть. Остальные гости занимались тем, чем обычно занимаются люди, из-за непогоды засидевшиеся в трактире допоздна: одни с несколько большим приличием, другие с несколько меньшим. Аларик порадовался, что успел занять одно из последних свободных мест за стойкой, так что ему не пришлось тесниться за столом, деля место с кем-то еще.

– Сначала пять шиллингов, – ответил трактирщик, закончив свой ход. – Тогда подам.

– Все остальные тут платят по три.

– Все остальные мне нравятся. А ты нет. Ты, как по мне... слишком недавно тут.

Аларик улыбнулся, хотя ему самому это было не по душе, и запустил по стойке четыре шиллинга.

– Застрял здесь, да? – спросил трактирщик, не удостоивая его взглядом.

– Я бы давно уже убрался отсюда подальше, но я кое-кого жду.

За закрытыми ставнями кабака бесновался печально известный южный ветер. Аларик понятия не имел, успели ли Лэйра и ее спутники двинуться в обратный путь или задержались на Разрушенном мосту, не осознавая, что единственный правильный путь – это путь назад.

Он следовал за ними до моста, но не пошел дальше. Без Искателя он в любом случае не имел права пересекать границы Царства дэмов. Его самая большая проблема должна была бы заключаться в том, чтобы убедить ее взять его с собой. Вместо этого он не мог перестать думать о том, в безопасности ли она, и ответ был ясен: нет, она не в безопасности. Ни по эту, ни по ту сторону моста. Его не должно было волновать, в каком положении в итоге окажется она, но что ему оставалось делать? Кадиз Хелльна почти со стопроцентной гарантией уже достиг Царства дэмов. Аларик *должен был* последовать за ним. Это – единственный способ сломать последнюю долгую печать и, наконец, освободить Калейю. Но без Лэйры, которая, без сомнений, была Искательницей, у него ничего не выйдет.

Теперь Аларику приходилось напоминать себе о том, чему его учили в детстве. У него на родине могли рискнуть сотнями, да что там, тысячами жизней ради одной, которая для кого-то была важна. Его испытание было при этом подкупающе простым. В теории...

Увы, он просто слишком долго прожил вдали от родины.

– Тебе придется немного подождать, – произнес трактирщик и наполнил его стакан из бутылки с толстыми стенками. – Когда буря налетает с юга, никто не выходит на улицу. Ласса опасна для жизни. У меня есть для тебя комната. Это последняя свободная комната на эту ночь, так что решай быстрее. Двенадцать шиллингов. Ну, скажем, даже четырнадцать. Потому что это ты.

Аларик отпил глоток и поморщился. К немийскому пойлу он никогда не сможет привыкнуть.

– Я подумаю. Где-то еще поблизости можно остановиться?

Трактирщик пренебрежительно щелкнул языком и вернулся к игре в карты.

– Дешевле – точно нет, – произнес он, а затем грубо выругался, увидев, какие камни выложили другие игроки.

Дверь распахнулась, порыв ветра пронесся по залу, карты взлетели в воздух и осыпались на пол, как листья. Три человека в капюшонах протиснулись в комнату.

– С этого момента стоимость комнаты повышается до двадцати шиллингов, – невозмутимо буркнул трактирщик.

– Нам нужна вода! – послышался звонкий женский голос. – Горячая вода! Быстрее!

Аларик вскочил, узнав эту небольшую группу. Это были спутники Лэйры. Сама Лэйра безвольно висела на плече высокого светловолосого мужчины, который поддерживал ее, заставляя стоять на подгибавшихся ногах. Из носа у нее шла кровь.

– Что случилось? – спросил Аларик, взяв Лэйру за подбородок и повернув ее лицо к свету. Она была в сознании, но смотрела сквозь него, и тот факт, что она вообще позволила ему до себя дотронуться, был крайне плохим знаком.

– Ласса, – коротко рявкнул воин.

– Нам нужна горячая вода! – повторила вторая спутница Лэйры, молодая женщина с узким лицом и туго заплетенными волосами. – У Лэйры есть травы от безумия лассы, но нам нужно их заварить!

– Воды! – громко приказал Аларик, и трактирщик наконец зашевелился. Он что-то возмущенно пробурчал, но все-таки наполнил чайник водой и поставил его на огонь.

Аларик отвел воина и Лэйру к столу в углу и приказал сидевшим там мужчинам и женщинам освободить место. Один паренек попробовал было возразить, но быстро подчинился после того, как Аларик схватил его за рубашку и слегка подтолкнул в нужном направлении.

– Ласса лишает разума, – бесцветным голосом сказал он мужчине, который осторожно опустил Лэйру на скамейку. – Но она никогда не бьет в лицо, так что из носа начинает идти кровь.

– Лэйра напала на нас, – ответила девушка, которая до сих пор казалась совершенно потрясенной этим. Достав из кармана платок, она вытерла кровь с верхней губы Лэйры.

– Ласса на такое способна, – без обиняков произнес светловолосый детина.

Аларик потер лоб. Проклятье, не слишком хорошее начало.

– Почему вы вообще вернулись назад при южном ветре?

– А куда нам было идти? – возмущенно спросила девушка. – На другой стороне тоже была буря, а на мосту нас будто дэмы в темноте обступили.

Аларик обернулся и подошел к стойке.

– Вода скоро нагреется? Этой женщине очень нехорошо.

Трактирщик пожал плечами, не поднимая взгляда от карт.

– Здесь все знают про лассу. Если кто-то неосторожен, он сам виноват.

Аларик в ярости стиснул зубы. Он посмотрел на очаг и позволил разгореться эмоциям, которые сдерживал. Меньше чем через три удара сердца чайник истерически засвистел.

Трактирщик раздраженно покачал головой, схватил чайник за ручку рукой в толстой перчатке и грохнул его на прилавок рядом с кружкой.

– Три шиллинга, – потребовал он.

За проклятую воду? Он же это не серьезно?

– От которых ты отказываешься, – произнес Аларик, – иначе я запихну две монеты тебе в горло, а третью кое-куда еще.

Взяв чайник и кружку, он отнес их к столу, где спутники Лэйры уже растирали в пальцах остро пахнущие травы.

Лэйра пришла в себя, она напряженно улыбалась, словно узнала его.

– Аларик, – устало пробормотала она, и на мгновение это напомнило ему о том времени, когда они оба поддались обману померещившейся им обоим иллюзии счастья.

– Все в порядке? – Слова царапали ему горло. Она была такой бледной, ее обычно такие ясные зеленые глаза казались затуманенными, и он едва сохранял самообладание, видя, как она дрожит. После всего, что случилось, желание прижать ее к груди, чтобы защитить, оставалось непреодолимым. Нет, в этом действительно не было ничего хорошего.

– Не знаю, – пробормотала Лэйра. Ее голос звучал так, будто она напилась или накурилась небесной травы. – Это я? Где... где же я? А ты? Аларик?

– Я здесь.

– Правда? Но где ты был так долго? Я искала тебя, я искала тебя повсюду, там, в бурю...

Вторая девушка коснулась плеча Лэйры и мягко встряхнула ее, словно пытаясь пробудить ото сна.

– Лэйра, лучше помолчи, – ответила она и бросила на Аларика взгляд, полный отвращения. – Ты сейчас не в себе.

– Я вернулся, – ответил Аларик, не обращая внимания на вторую девушку и на тот факт, что она была права. Он просто не мог вести себя иначе, иллюзия, будто Лэйра рада его видеть, была слишком притягательна. Она словно затянула целительной пленкой пылавшую рану, которую он сам себе нанес.

Лэйра прикусила нижнюю губу и потерла глаза.

– Это я вижу, да. Но почему я здесь? Когда я вижу тебя... у меня сразу же возникает это желание...

– Желание, – повторил он, невольно перейдя на шепот.

– Да. Это желание снова уйти отсюда, – с каждым словом ее голос снова обретал ясность, – и встретиться с любыми монстрами, с любыми кошмарами, которые навеет мне этот ветер, – с чем угодно, лишь бы не находиться с тобой в одной комнате.

Аларик налил воды в чашку.

– Значит, мы можем сэкономить отвар, – сказал он, повернувшись ко второй девушке. – Ей уже лучше.

– Достаточно хорошо, чтобы попросить тебя убраться отсюда, – устало ответила Лэйра.

Он поднял бровь.

– Подальше отсюда, так-так. Может, к Повелителю дэмов?

Лэйра побледнела еще сильнее, хотя и так была бледна. На мгновение ему показалось, будто ее сейчас стошнит. Но она лишь сглотнула и стиснула зубы. А потом прошипела:

– Исчезни, Аларик!

– Хорошо.

Не то чтобы он не понимал, почему она злится. И все же она задела его за больное место и раздувала его гнев, как сквозняк – огонь. Проклятье, он всего этого не хотел!

– Я тогда лучше пойду в свою комнату, за которую я переплатил. В *последнюю* свободную комнату в этом притоне.

– Действуй, а я пожелаю постельным клопам приятной трапезы. Нам не нужна эта жалкая комната, мы только подождем, пока не уляжется ветер.

– И что ты будешь делать тогда? – Он по-прежнему был настороже. Он не думал, что она сдастся так быстро и решит вернуться в долину.

Но Лэйра выдержала его взгляд, несмотря на то что она с трудом сидела.

– Тогда мы продолжим искать путь.

Он шумно выдохнул.

– Как же ты еще не поняла, Лэйра? Ласса отняла у тебя рассудок и выдула из твоего мозга все извилины? Вы опоздали.

– Ласса! – неожиданно испуганно воскликнула Лэйра, посмотрев на воина. – Йеро, что с твоей лошастью?

– С ней все отлично, – усмехнувшись, ответил тот. – Не переживай, Ласса всегда справляется.

– Хорошо. – Она одарила его короткой, но искренней улыбкой и снова повернулась к Аларику. Все дружелюбие тут же исчезло с ее лица. – А ты все еще здесь. Иди уже, постельные клопы заждались.

Воин ухмыльнулся. Вторая девушка поерзала на своем месте, словно ей было неудобно, и, чтобы занять руки, стала, сама не замечая, покачивать в кружке травяной отвар.

– Наверное, он для тебя очень важен, – тихо сказал Аларик. – Человек, ради которого ты все это на себя взвалила.

Она взмахнула рукой, словно отмахиваясь от чего-то.

– Вот в чем проблема с вами, мужчинами. Вы считаете, будто мир вращается вокруг вас. Ты понятия не имеешь, что для меня важно.

– Так расскажи мне. – Он опустил на свободный стул рядом с воином. – Ради чего ты это делаешь, если не ради твоего возлюбленного.

Задумавшись, она отпила горячий отвар, даже не поморщившись.

– Тебе кажется настолько абсурдным, что я могу делать это для себя?

Он тихо рассмеялся, чувствуя, как гнев отпускает его. То, что пробудила в нем Лэйра, кипело и бурлило, горячее и опасное, как огонь, прикрытый листом бумаги. Он должен быть очень осторожен.

– Ты просто хочешь совершить путешествие? Посмотреть страны и людей? Нанести визит Повелителю дэмов и станцевать в его знаменитых покоях? О, Лэйра. Будь осторожна со своими желаниями, они могут сбыться.

– Правда? Прямо сейчас я хочу, чтобы твоя мозг пожрали жадные черви.

– Вовсе нет. Ты желаешь совсем иного.

– Я выросла при дворе, Аларик Колэ, – произнесла она, не реагируя на его насмешку. – Четырнадцать лет я была знатной дамой. Принцессой Немии. Кем я стала после этого... что ж, это ты видел. Но я не была пастушкой, травницей и торговкой. Я была знатной дамой. Я это знаю, и после свадьбы с Десмондом мир тоже об этом снова узнает.

– Ты хочешь выйти за придворного?

– Не за любого придворного. За сына верховного министра Немии, который унаследует его должность. За мужчину, который в Немии, возможно, занимает лишь второе место, а на западном континенте считается самым могущественным среди немийцев. И я не *хочу* за него выйти. Я выйду за него.

Изящная девушка прошептала:

– Лэйра, тебе правда не стоит больше ничего говорить. Ты пожалеешь об этом, когда влияние лассы пройдет.

– Ты выйдешь за проклятого, – сказал Аларик.

– Это не имеет значения.

– А ты знаешь, за что его прокляли? Кто его проклял?

– Он был и остается наследником должности своего отца и при этом самым состоятельным мужчиной в Немии после *моего* отца. Вот что имеет значение. А все остальное – не имеет.

Он всмотрелся в ее лицо, но не увидел никаких признаков лжи. Он настолько в ней ошибался? Он исходил из того, что ни богатство, ни общественное положение не имеют для нее большого значения. Он даже считал, что ей везло, если не считать того, что ей приходилось ухаживать за больной матерью. Но, с одной стороны, все это обрушилось на нее из-за его предательства. А с другой... Что ж, она и тогда вряд ли даже в мечтах могла представить, кто *он* на самом деле.

Глава 13

Лэйра

– Я одного не понимаю, – произнес Аларик, с вызывающей небрежностью откинувшись назад на стуле. – Если для тебя так важно вернуться ко двору, почему ты не используешь любую возможность достичь своей цели? Я предлагаю тебе помощь, а ты ее отвергаешь.

Глядя в кружку с чаем, я мысленно повторяла как мантру одни и те же слова:

«Не дать себя спровоцировать. Не дать себя спровоцировать».

Он и без этого действовал на мои нервы, как отравы. В сочетании с дарами лассы это могло лишит меня способности ясно мыслить. Вика, несомненно, была права – лучше бы мне ничего не говорить. Но для меня невыносима мысль о том, что Аларик Колэ вообразил, будто способен разрушить мою жизнь. Он не должен знать, насколько Десмонд для меня важен. Он не должен знать ни об одной моей слабости – он вообще не должен больше ничего обо мне знать. Если бы он не узнал меня теперь, если бы не понял, что на самом деле я все та же девочка, какой была... может, он бы просто ушел.

– Я понимаю, что ты задумал, – сказала я, когда молчание стало болезненным, выдающим беспомощность. – Ты хочешь, чтобы меня начала мучить совесть из-за того, что я не соглашаюсь на твою сделку. Но ты уже опоздал, Аларик. За последние пять лет ты не первый шарлатан, который пытается надавить на мою совесть. Все они предлагали якобы *то самое* лекарство для моей матери, и все они не могли понять, почему я не хватаюсь за тот шанс, который они мне предлагают, и не продаю все, что у нас было, чтобы оплатить их чудодейственное средство.

– Но я не собираюсь продавать тебе чудо, Лэйра, просто немного самого обыкновенного времени. И цена, которую я потребую, невысока.

Он улыбнулся этой своей опасной улыбкой, при которой его глаза светились синим, напоминая мне обо всех тайных поцелуях тем летом, когда мы были вместе. Ласса в моей голове усиливала воспоминание, так что я ощутила, как покалывает губы, и мне показалось, что я чую запах Аларика, словно уткнулась лицом в его черные с алым отливом волосы. Хватит!

– Ты еще ни разу не спросила о цене.

– Я тебе больше не доверяю, поэтому хочу вбросить в разговор своего друга Йеро.

Йеро с усмешкой пробурчал:

– Если метательному снаряду будет позволено высказать предложение, я бы предпочел, чтобы мы не теряли время впустую и заказали что-нибудь поесть. Здешний айнтопф пахнет лучше всего, что может ждать нас по ту сторону моста, и было бы неплохо сэкономить наши припасы.

Коротко кивнув, я ровнее села на лавке.

– Отличная идея. Может, когда мы поедим, ветер уже стихнет. Я что-нибудь нам принесу.

– А пока мы едим, пусть эта птичка нам споет о том, по какой цене продает свое время, – продолжил Йеро. – Стоит, по крайней мере, его послушать.

Опершись на стол, я опустила голову. Растрепанные волосы упали мне на лицо, мешая получше рассмотреть Аларика, который, вероятно, довольный собой, улыбался своему успеху.

К сожалению, к сожалению, мне пришлось признать:

– Ничего лучше мне в голову не приходит. По крайней мере, ничего умного. Мы об этом пожалеем.

Я об этом пожалею в любом случае.

– О чем-то мы так или иначе пожалеем, – рассудил Йеро. – Давайте возьмем чего-нибудь поесть.

Я ожидала от Аларика Колэ чего угодно. И все же, когда он немного позже стал дуть на свою порцию айнтопфа, а затем сказал: «Я пойду с вами», мне показалось, будто меня внезапно окунули в холодную воду. Сначала у меня перехватило дыхание, потом стало больно. Наконец каждая клеточка моего тела взмолилась о побеге, но при этом я оставалась сидеть практически неподвижно. Я лишь положила ложку на стол и сложила руки на коленях, чтобы никто не видел, как они дрожат. Прежде всего он.

– Ты же это не всерьез, – услышала я собственные слова. – Что тебе нужно в Царстве дэмов?

– Никакого обмана, никаких подвохов. Я просто провожу тебя.

– Почему?

– Потому что я... – он ненадолго опустил взгляд на свою дымящуюся миску, а затем снова на меня, – хочу тебя защитить. Это путешествие опасно, ты понятия не имеешь, насколько, и я могу тебя...

Случается, когда просто застываешь на месте, бесконечно обдумывая все возможные реакции, лишь бы только не совершить ошибку. А потом остается только спрашивать себя, почему так ничего и не сделал.

В этот момент со мной произошло нечто противоположное. Я вообще не задумывалась. Моя голова была абсолютно пуста, словно в ней не осталось ни одной мысли, только темная бездна, в бесконечную глубину которой падал мой рассудок, так и не достигая дна. Я вскочила. Мои ноги пронесли меня вокруг стола, пальцы схватили отливающие огнем черные волосы Аларика, и я дернула за них, запрокинув ему голову. Второй рукой я схватилась за кинжал. Я выдохнула, мысли снова всплыли из глубины, и я потрясенно увидела кинжал у его горла. Острие касалось его кожи в том месте, где она слегка дрожала из-за бьющегося под ней пульса и где он при бритье пропустил немного щетины. К моему возмущению, Аларик лишь коротко рассмеялся, на мгновение будто испытал облегчение. Он замер, слегка приподняв руки, а затем медленно опустил их на стол. Я ощутила, как он сглотнул, – движение передалось по клинку моей руке.

Вика испуганно кашлянула, и даже Йеро выглядел озабоченным.

– Хозяин? – окликнул Аларик, и то, что его голос дрожал, умирало коварную, глубокую боль у меня внутри. – В вашем трактире угрожают человеку, хозяин.

Хозяин посмотрел на нас, замер на секунду, а потом пожал плечами.

– Если девчонка перережет тебе горло, ты это заслужил. – Он отвернулся, в то время как все остальные теперь смотрели на нас. Послышался скрежет стульев по деревянному полу – люди хотели получше разглядеть этот спектакль.

Кто-то рассмеялся. Я не стала – просто держала клинок в одной руке и пучок волос в другой. Что я здесь делала – и как я могла это сделать?

Ласса подтолкнула меня к тому, чтобы просто совершить то, чего хотела самая неразумная и самая страдающая часть меня. Это меня не оправдывало, но теперь я зашла слишком далеко, чтобы можно было вернуться. Чтобы мне хотелось вернуться. Я сама загнала себя в самый дальний угол этой отвратительной харчевни, и теперь оставалось идти только вперед.

– Еще раз, – прошептала я, чувствуя, как на поверхность поднимаются воспоминания, которые я уже три года безуспешно пыталась подавить. – Тебя послал князь эс-Ретнея?

– Нет.

– Зачем тебе тогда в Царство дэмов? И не пытайся снова морочить мне голову, Аларик. Не пытайся больше морочить мне голову.

Единственного раза, когда он это сделал, с избытком хватило мне на всю жизнь.

Когда я вошла в комнату, отец посмотрел в мою сторону. Он взглянул мне прямо в глаза, но я едва узнала его, и это окончательно разрушило надежду на то, что у него для

меня хорошие новости. В последнее время наши отношения улучшились, стали почти безоблачными, и иногда, когда меня охватывало это чувство – только втайне, я никому об этом не рассказывала, – я осмеливалась надеяться, что однажды он простит мать и позволит ей вернуться в замок.

Но как только я увидела его лицо, всякие надежды на то, что это «однажды» может наступить сегодня, тут же увяли. Ладони вспотели, а во рту пересохло. Что-то было не так.

Он пригласил меня в комнату для переговоров, которая, по контрасту с огромным залом, расположенным рядом с ней, казалась почти скромной, хотя у каждого стула была мягкая бархатная обивка, а каждая матовая столешница была тщательно отполирована. Бумага для писем, перья и чернильница выглядели легким намеком на то, что здесь работают, а не отдыхают. Но я точно знала, что папа никогда не работал здесь над своими письмами и приказами – он занимался этим в маленьком кабинете, пристроенном к его спальне. Когда я была маленькой девочкой – его маленькой девочкой, – иногда он разрешал мне делать домашнюю работу за его столом, и это казалось мне большой честью.

– Рада видеть вас, отец, – я произнесла вежливое приветствие, преодолевая нехорошее предчувствие, от которого у меня сдавливало горло. Он помолчал, только его взгляд стал холодным, и я передумала подходить к нему ближе, просто осталась стоять. – Все... все в порядке?

Я заметила, как он сглотнул – это был признак того, что за гладким фасадом бурлили чувства, и от этого мое беспокойство становилось неизмеримо больше.

– Которое лето тебе уже исполнилось, Луилэйра?

Почему он меня об этом спрашивает? Он же знает ответ. Сердце заколотилось, и я ощутила, как под платьем на коже выступил холодный пот. Словно мое тело уже поняло, что здесь происходит, еще до того, как это уловил рассудок.

– Шестнадцатое, – сдавленно выговорила я.

Его губы изогнулись. Он ненавидел, когда я показывала слабость, так что я распрямила плечи и повторила, громко и отчетливо:

– Шестнадцать, отец.

– Итак, уже шестнадцать лет, – медленно произнес он, – я ращу в своем доме незаконнорожденную.

Что? Что он сейчас сказал? Мне не хватало воздуха в легких, чтобы спросить, как у него вообще могла появиться такая мысль.

– Папа, – только и произнесла я, запинаясь.

Он покачал головой:

– Больше не называй меня так. Ты не моя дочь. И никогда ей не была.

Почему он это говорит? Как ему такое в голову пришло? Я чувствовала себя так, будто меня ударили в лицо. Но я ничего не сделала?

– Кто это сказал, папа?

– Больше никогда не называй меня так, – тихо повторил он. – Мужчина, который высказал такое предположение, привел мне парня, воспользовавшегося твоей матерью как проституткой. Я не сомневаюсь в том, что он говорит правду.

– Но я...

– Молчать! Твоей матери никогда нельзя было доверять. Ты что, недостаточно взрослая, чтобы это понять? Ты что, ее не знаешь? Ты что, недостаточно хорошо знаешь меня, чтобы тебе стало ясно: я не стану терпеть ничейную дочь и уж точно не дам ей унаследовать свою фамилию?

По моему лицу скатилась слеза. Я торопливо вытерла ее, но он ее уже заметил. К тому же другие последовали за ней слишком быстро, чтобы их можно было скрыть.

– Я должен был об этом догадаться, – с презрением сказал он. – В тебе никогда не было силы, достойной немийца.

Только его грубые слова и заставляли меня держаться на ногах. Они напомнили мне о гордости, которой он меня научил, и лишь это не давало мне скорчиться на полу и заплакать.

– Я снисходителен, – произнес он, – и я оставлю тебе твое имя. Фамилию «эс-Ретнея» ты больше никогда не сможешь использовать. А теперь убирайся с глаз долой.

Мне пришлось напрячь каждую мышцу, чтобы не броситься вон из комнаты, а с достоинством кивнуть, а затем, сохраняя самообладание, развернуться и точно рассчитанными шагами направиться к двери. По какой-то причине дверь стала тяжелее, и я едва открыла ее.

Проходящие по коридорам люди смотрели на меня. Может, они уже знали? Может, мой отец – может, князь эс-Ретнея уже обо всем сообщил? Или это они уставились на мою деревенскую одежду, словно боялись, что блохи и вши перескочат с моих штанов на их длинные шелковые платья?

С высоко поднятой головой, упорно сдерживая слезы, я поспешила мимо них, отчаянно желая ощутить под подошвами своих сапог землю и траву, а не мягкие ковры, устилавшие коридоры замка. Я убеждала себя, что ничего не изменилось. Уже два года я жила в изгнании в низине. Туда князь отправил мою мать после того, как она созналась, что не любит его. Я до сегодняшнего дня не знала, был ли у нее кто-то другой, и если да, кто это, и был ли вообще этот мужчина еще жив или уже давно умер. Могло ли оказаться правдой, что у моей мамы был любовник, который... являлся моим отцом?

Князь не проявил сострадания и изгнал свою жену со двора, хотя из-за болезни увядания она не могла пройти и сотни шагов. Тогда я отправилась вместе с ней, хотя из-за этого мне пришлось бросить учебу, и это сильно задело его. И все же он сквозь слезы признал, что уважает мое решение, назвал меня мужественной и верной, потому что я пожертвовала тем, что так сильно любила.

А теперь?

Теперь настал момент моего окончательного падения. Я больше не была его дочерью, я была ничейной дочерью. Беззащитной. Стоящей не больше домашнего скота.

Словно заблудившись в кошмарном сне, я пробежала через замок и ушла уже довольно далеко. Уйти в ничто. Ничья дочь. Я была далеко, я не знала, где я, и мне нужна была какая-то опора, чтобы не исчезнуть.

Аларик! Нужно пойти к Аларику, пусть он заключит меня в объятия и шепотом скажет мне, что все будет хорошо, что то, во что я верю, правильно.

Но Аларик был в деревне, он строил стропила одному из наших соседей, а спуск в долину займет много часов, до глубокой ночи.

Слезы затуманивали глаза. Наконец я оказалась перед покоями Вики. Моя рука слабо постучалась в ее дверь. Нет ответа.

– Вика, – крикнула я, чувствуя, что голос вот-вот сорвется. Никто не открыл. Разумеется, нет, как глупо с моей стороны. Она же сейчас в университете.

Я в растерянности повернулась. Пойти домой, встретиться с Алариком – единственный вариант. Долгая дорога мне поможет. Когда ступни начнут болеть, а ноги станут тяжелыми, сердце уже не будет так мучительно болеть. Оказавшись в полном одиночестве среди скал Воляриана, я могла дать себе волю и оплакать свои потери.

Холодный ветер с севера – мюр – хлестнул мне в лицо, когда я пробежала сквозь ворота, ведущие наружу. И застыла на месте. Потому что на бульжжной мостовой у боковых ворот я оказалась не одна. Мой отец... нет, мой князь стоял там, и с ним было три всадника.

– Спасибо за вашу помощь, сэр.

Папа не заметил меня, он стоял ко мне спиной.

– Если бы не вы, я сделал бы ничейную дочь своей наследницей. Никогда еще горы не видели такого позора.

Его слова должны были уничтожить меня. В конце концов, он говорил обо мне. Но они ничего для меня не значили. Они были совершенно не важны по сравнению с надменной улыбкой первого всадника.

– Этого я не мог допустить, князь.

– Аларик?

Отец повернулся ко мне. Аларик широко раскрыл глаза, выражение его лица было одновременно ясным и отстраненным. Чужим.

Моя гордость когда-то много для меня значила. Я спокойно приняла изгнание, ни на что не жалуясь. Даже потерю отца я перенесла, сохранив самообладание, как бы тяжело мне ни было, напоминая себе о том, как должен себя вести настоящий немец.

И все же в этот момент мне все стало безразлично. Самообладание покинуло меня, и я сознательным усилием стряхнула с себя его последние ошметки. Я всхлинула, попыталась сдержаться и не всхлинуть снова, подавить эти постыдные звуки. Я бросилась мимо отца, к Аларику, схватила его лошадь за поводья, остановилась и коснулась его дорогого сапога.

– Аларик, объясни мне, что это значит.

– Бедная девочка, – сказал он, глядя на меня сверху. Он обращался не ко мне, он говорил с князем через мою голову. Потом он наморщил нос, будто от меня воняло. – Похоже, она не слишком рада меня видеть.

Мне стало дурно, мне стало плохо. Наверное, я не так поняла, тут явно какая-то ошибка.

– Аларик, пожалуйста. Поговори со мной. Что здесь происходит?

– Стража! – крикнул он у меня над головой, призывая солдат князя, которые глядели на нас, словно вмерзнув в землю. – Эта девушка должна вернуться в свою деревню. Позаботьтесь, чтобы она находилась там, где ей пристало. При своих козах.

Кивнув головой, он подал знак своим спутникам. Затем он с места пустил лошадь в галоп, и ее хвост хлестнул меня по лицу. Аларик исчез, а вместе с ним и все, что казалось мне важным.

И потом несколько лет я больше его не видела. До сегодняшнего дня.

– Зачем? – повторила я, почти что ощущая вкус его страха. – Зачем тебе в Царство дэмов? И именно со мной?

– Я назову тебе свою причину, – выдавил он сквозь зубы, и моя рука, сжимавшая клинок у его горла, задрожала. Его руки спокойно лежали на столе. Но рядом с мерцающими синим венами на такой светлой коже от напряжения проступили длинные, тонкие сухожилия.

– Лэйра, давайте поговорим в спокойной обстановке, – прошептала Вика. – Ты же не хочешь никого...

Нет. Я не хотела никого убивать. Даже Аларика Колэ. Но я хотела сделать ему больно, и очень сильно. Он должен был ощутить ту же боль, которую ощутила и я. Если бы Вика знала всю правду, она бы своими руками вырезала ему язык, чтобы он больше никогда не смог произносить лживые слова.

И все же теперь мне стало ясно: я не в состоянии причинить ему такую боль, и от понимания, что ему самому это когда-то запросто удалось, мое разочарование ощущалось еще пронзительнее. Если я нанесу ему рану клинком, я ничего не добьюсь. Даже сейчас, когда я держала кинжал у его горла, он ухитрялся издеваться надо мной.

– Девочка? – окликнул меня трактирщик. – Последняя комната будет стоять для тебя десять шиллингов. Восемь, если сегодня вечером прольется кровь и моим гостям будет на что посмотреть!

Кругом засмеялись. Что с ними не так? Что со мной не так? Каким-то загадочным образом они были благорасположены ко мне, потому что я угрожала человеку, который был здесь чужим, – и я ненавидела всех нас за это.

– Последний шанс, – прошептала я Аларику. Понятия не имею, что я стала бы делать дальше. Я только надеялась, что он скажет правду и даст мне возможность покончить со всем этим. – Настоящая причина, Аларик. *Сейчас*.

– Лэйра...

– Никакой Лэйры! Я больше не хочу, чтобы твои губы произносили мое имя. Никогда. Правду!

– Лэйра! – задыхаясь, выкрикнула Вика, и я скорее ощутила, чем увидела, как на коже Аларика проступила капелька крови.

– Все в порядке, – наконец произнес он. – Я тебе скажу. Но, пожалуйста, убери подальше этот нож.

– Ты прекрасно можешь говорить и с ножом у горла, – возразила я. – Хватит повторять «Лэйра, Лэйра, Лэйра» – тебе понадобятся и другие слова.

Парень в двух столах от нас заплодировал.

– И говори громче! Мы все хотим это слышать!

– Требуем правды! – заорала пожилая женщина. Когда мы упоминали Царство дэмов, я говорила шепотом, никто не мог этого послушать. И все же мне показалось, будто люди видели меня насквозь. Они застучали своими кружками и чашками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.